

**ЮРИЙ
СОКОЛОВ**

**ПУТЬ
В ОБИТЕЛЬ БОГА**

16+

Юрий Соколов

Путь в Обитель Бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51384679

SelfPub; 2022

Аннотация

Попытка колонизации параллельных пространств окончилась катастрофой, потрясшей Великий Обруч Миров, к которому принадлежала Земля. Дивная планета Парадиз превратилась в ад, наполненный кровью и насилием, население еще двух планет почти полностью вымерло от эпидемий или было истреблено в ходе междоусобных войн. Новый Мир, возникший на обломках цивилизаций, напоминает шахматную доску, где место белых и черных клеток занимают Старые территории Земли и мрачные просторы планеты Додхар. Достаточно сделать один шаг через Границы Соприкосновения, чтобы из березовой рощи или заброшенного земного города попасть в бесконечные лавовые поля или населенные чудовищами полуживые леса Додхара. В этом странном мире идет непрерывная борьба за выживание, и по нему предстоит пройти тем, кто поставил себе целью найти Колесницу Надзирателей – корабль давно исчезнувшей цивилизации, на котором можно улететь к центру Вселенной, в Обитель Бога.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	60
Глава 6	88
Глава 7	111
Глава 8	134
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Юрий Соколов

Путь в Обитель Бога

Глава 1

Мне страсть как не хотелось сворачивать с Большой тропы на вулканические поля Ниора, засыпанные разнокалиберными кусками шлака. Ходить там тяжело, а камни такие иззубренные и острые, что способны через несколько тысяч шагов превратить обувь в лохмотья. И ступни ног заодно. Однако никто в здравом уме не пойдёт по тропе под нависшими над ней ветвями дерева, которого не было здесь ещё неделю назад.

– Думаешь, это она самая? – спросил я Тотигая.

Он не ответил, лишь качнул тяжёлой головой, а клыкастая пасть растянулась в подобии ухмылки: «Ну конечно. Кто бы сомневался».

– Мне просто не хочется сворачивать в поля, – пояснил я, хотя и без того всё было понятно.

Тотигай понимающе фыркнул. Ему тоже не хотелось туда сворачивать. Лапы у керберов будут покрепче любых ботинок, но зато их нельзя заменить на новые.

– Никуда не денешься, Элф, – сказал он и встряхнулся – точь-в-точь как собака, вышедшая из воды. Только стряхи-

вал он не воду, а пыль. – Видишь, где она проросла? Там совсем нет места из-за тех глыб сбоку. Можно пробиться, но есть риск, что она нас там здорово прижмёт.

– Ладно, – сказал я, привязывая к ботинкам камнеступы и заранее натягивая краги.

Слева от тропы возвышался почти отвесный горный склон, а в сторону от него тянулась приземистая скалистая гряда, заканчивающаяся в лавовом поле, шагах в семистах. Разгребатели, когда прокладывали тропу, пробили гряду, но теперь в проходе торчало это подозрительное дерево, и придётся карабкаться через скалы, потому что обходить их слишком долго.

– Вон там, – сказал Тотигай. – Невысоко – всего три твоих роста. Легко перелезешь.

Я тоже заметил это место, поправил лямки рюкзака и уже приготовился идти, когда с той стороны гряды послышался тяжёлый дробный топот.

– Кого там несёт нелёгкая? – буркнул Тотигай, крадась к трём большим валунам, образывавшим неплохое укрытие у самой тропы. – Спрячься, Эльф! Чего ты там торчишь столбом?

– Лошадь, – сказал я. – Нет, две. Нукуманские. Надо предупредить этих обормотов. Неужто сами не видят? Хоть бы на рысь перешли.

Я уже поднял винтовку дулом в небо, намереваясь выстрелить, но Тотигай подскочил ко мне, ухватил зубами за полу

жилета и потащил к валунам.

– Кретин, – сказал он, когда мы возле них оказались. – А если это пегасы? Или яйцеголовые?

– Глухая тетеря, – ругнулся я в ответ. – Какие пегасы? Нукуманские лошади, говорю тебе!

– На нукуманских лошадях могут ездить не только нукуманы, – резонно заметил Тотигай. – И заботиться надо в первую очередь о собственной шкуре.

Пришлось стиснуть зубы и признать его правоту. За грядой мог оказаться кто угодно, в том числе и пегасы. Не такой уж хороший у меня слух.

Перестук копыт быстро приближался. Я скинул краги, чтобы при необходимости стрелять со всеми удобствами. Кто бы там ни скакал, они очень спешили, иначе были бы осторожнее. По мехрану так не ездят. Если это нукуманы, то скоро им крупно не повезёт, – по крайней мере одному. А ещё не повезёт Тотигаю, которого я убью за то, что он не дал мне их предупредить.

Дерево стояло неподвижно, как ему и полагалось. С виду – совсем обычное. Ну, то есть обычное додхарское: голый перекрученный ствол, покрытый толстыми кривыми жилами, точно рука – вздутыми венами. Ветки без листьев... Шишковатые почки на их концах. Возле горы не было такого толстого слоя лавы, как повсюду на равнине, и там вполне могло что-нибудь пробиться к поверхности, потому что зародыши многих здешних растений представляют собой настоя-

щие горнопроходческие комбайны в миниатюре. Да только мы с Тотигаем не верили, что это простое дерево.

А невидимые нам пока всадники верили. Они выскочили под него из-за гряды почти одновременно.

Тут и началось!.. Крона дерева вздрогнула, ствол согнулся, ветки потянулись вниз и накрыли первую лошадь и её всадника. Мнимые почки раскрылись зубастыми пастями. Рядом со мной Тотигай завыл приглушённо и страшно: ни один кербер не может спокойно смотреть, как гидра хватает и пожирает добычу. Второй всадник слишком резко осадил коня, и тот рухнул на землю, но я успел хорошо разглядеть и самого седока, и его вытянутую яйцеобразную голову на тонкой длинной шее.

– Стреляй, Эльф, стреляй в него! – завопил кербер, припадая к земле. Ещё немного – и он сам бросился бы туда несмотря на глубокую нелюбовь к гидрам. – Стреляй, он может вывернуться!

Дела ибогалов и так были плохи, а при нашем участии обещали стать ещё хуже. Ни тот, ни другой так и не успели перебросить из-за спины разрядники. Первый всадник болтался в воздухе вместе с конём, который издавал такие вопли, каких никто не ожидал бы услышать от лошади. Яйцеголовый на земле выхватил меч и отчаянно рубил тянувшиеся к нему ветки-щупальца, но его левая нога оказалась придавленной, и он имел слишком мало места для размаха. Гидра вцепилась в голову и шею его коня, таща бедную жи-

вотину вверх. Я быстро выстрелил три раза подряд – дважды промазал, один раз попал, и успел увидеть, как разлетелась кровавыми осколками несуразная, вдвое больше человеческой, голова ибогала.

– Мразь, мразь!.. – рычал Тотигай, и непонятно было, к кому это относится – к гидре или яйцеголовым.

Гидра меж тем сграбастала второго коня, и я истратил ещё несколько пуль, чтобы пристрелить обоих животных, хотя кое-кто назвал бы мой поступок бесполезной тратой боеприпасов. Но я, хоть и не кербер, тоже не мог смотреть на это спокойно.

На гибель первого ибогала – мог, и смотрел, и уж точно не стал бы расходовать на него патроны. Надо отдать ему должное: сопротивлялся он яростно, до последнего, и молча. Стиснутый со всех сторон, яйцеголовый ухитрился освободить одну руку, оставляя в многочисленных маленьких пастьях куски собственного мяса, выдернул из ножен на поясе кинжал и уже отсёк десяток голов, которые теперь валялись внизу, продолжая судорожно сжимать и разжимать челюсти. Обезглавленные щупальца истекали чёрной жижей, бестолково извивались, тычась ибогалу в грудь и лицо, а он продолжал рубить и резать, пока гидра не обездвигила его совершенно, оторвав от коня и распяв в воздухе. И только тогда из его горла вырвался жалобный тонкий крик – первый и последний.

– Пошли, – сказал я, вешая винтовку на шею и доставая

меч. – Пошли, слышишь? – Мне пришлось ухватить Тотигая за шкуру и крепко потрясти, прежде чем он опомнился. – Путь свободен.

Кербер вздохнул, его вздувшиеся от напряжения мышцы расслабились, и он затрусил рядом, стараясь меня не слишком перегонять. Сначала бежал справа; потом, когда мы приблизились к проходу в гряде, перешёл мне дорогу и занял место слева – поближе к горе и подальше от гидры. Впрочем, нам обоим всё равно пришлось идти прямо под копытами одного из коней. Сверху несло тошнотворное чавканье и капала кровь. Выпущенные боевые когти Тотигая нервно скребли голую скалу тропы. Несколько голов гидры оторвались от своей трапезы, потянулись было к нам, но, должно быть, решили, что добычи хватит и так, и вернулись обратно, а особо любопытные я тут же съёл мечом.

– А лошади-то всё же были нукуманские, – заметил я, отходя на безопасное расстояние и сваливая с плеч рюкзак.

– Нукуманские, – согласился Тотигай, расправляя и снова складывая перепончатые крылья. – Интересно, где ибогалы их взяли. И откуда взялись сами.

– Они ехали с той стороны. Мы идём в ту сторону. Может, и узнаем.

– Не уверен, что мне хочется узнавать, – сказал Тотигай, садясь на землю и почёсывая за ухом задней лапой. Ни дать ни взять – собака. Только ростом с телёнка, голова большая, лобастая, да ещё крылья эти...

– Хочешь или не хочешь, а вдруг придётся, – ответил я, отвязывая от ботинок камнеступы. – Здесь до самой Арки только одна дорога.

Кербер оглянулся на гидру. Потом выразительно посмотрел на меня:

– Мы ведь не станем оставлять у тропы эту гадину?

– Конечно нет. Хотя на ближайшую неделю она безопасна. Именно на столько ей хватит ибогалов и коней.

Я вытащил из бокового кармана рюкзака самодельную мину и направился обратно к проходу в гряде. Тотигай шёл за мной попятам. Гидра почуяла недоброе, трупы в её щупальцах затряслись, но она только подтянула их поближе к стволу, не пытаясь на нас напасть.

– Вот потому-то ты и сдохнешь сегодня, – пробормотал я. – Не можешь оторваться от жратвы даже для защиты жизни.

– Да что ты ей толкуешь, она же ничего не понимает, – сказал кербер. – Тупая скотина.

– Сейчас поймёт.

Я поставил таймер на пять минут, присел у основания ствола и засунул мину между каменных плит, которые гидра выворотила из скалы, вылезая на поверхность. Сверху слышалось шипение, и самое толстое щупальце всё же прервало пирушку ради того, чтобы меня схватить. Оно всё поросло щупальцами потоньше, и на конце каждого отростка торчала головка с четырёхстворчатой пастью, отличавшаяся

от других только размером. Тотигай подпрыгнул и полоснул по этому шевелящемуся месиву когтями. Чёрная жижа так и брызнула во все стороны, гидра тут же переключила внимание на кербера, и я благополучно выбрался из зоны её досягаемости, отрубив попутно ещё несколько голов.

Добравшись до рюкзака, я уселся на небольшой валун рядом и подождал, пока сработает взрыватель. Мина гулко бухнула, с горы в проход посыпались камни, но недостаточно много, чтобы его перегородить. Гидра завалилась на бок, жутко зашипела, потом всё стихло. Только и видно было, как извиваются и вздрагивают её жилистые руки-ветви да дёргаются перепонки между ними.

Отыскав несколько пучков жёсткой травы, сиротливо прозябавших в этом царстве песка и камней, я тщательно вытер меч и счистил чёрные кляксы с одежды. Тотигай долго валялся по земле, вставал, отряхивался и опять валялся.

– Не мучайся, тебе всё равно снова туда идти, – сказал я. – Твоя очередь.

Кербер взглянул на меня неприязненно.

– Почему, интересно, когда доходит до грязной работы, очередь всё время моя?

– Потому, что ты к этому делу привычный. И ещё потому, что ты проспорил мне вчера, когда мы заключили пари на счёт...

– Ладно, помню, – проворчал Тотигай, направляясь к гряде.

На месте гибели гидры уже не наблюдалось никакого шевеления, но он всё равно приблизился к проходу с крайней осторожностью. Я свернул самокрутку и закурил, внимательно оглядывая окрестности. Засыпанная вулканическим шлаком равнина простиралась вправо от тропы так далеко, как видел глаз. Слева были горы, поросшие редким кустарником и драконьей травой. Впереди, где начиналась Старая территория, маячила светлая полоска – только с такого расстояния и можно увидеть Границу. Сверху, сквозь вечную серую дымку, светило огромное красное солнце Додхара. В небе чисто – никакая летучая пакость нам оттуда не угрожала. Вроде спокойно всё...

Пока курил, вспомнилась Лика. Вот сижу я здесь, отдыхаю, – а она сейчас там, на Земле, далеко, за этой самой Границей Соприкосновения, и наверняка чем-то занята. Бобел утром ушёл в Харчевню, чтобы завтра встретить нас, и сегодня Лика управляется на ферме одна...

Тотигай вернулся, таща в зубах два кинжала и меч с извилистым лезвием.

– Второй меч не знаю где, – сказал он, отфыркиваясь и отплёвываясь. – Наверно, в самом низу. Сволочь ты всё-таки, Элф. Пошёл бы сам и принёс всё за один раз.

– Галеты нашёл?

– Нет у них ни одной. Наверно, сами всё сожрали... Ну, Элф, сходи сам, а?

– Давай, давай, не стони. Тебе полезно.

Кербер опять смотался к проходу и принёс два разрядника, держа их за ремни. Я между тем успел обтереть травой предыдущие трофеи. Теперь принялся за разрядники.

Это оружие выглядело так, словно его вырастили на грядке. Гофрированный ствол с отверстиями по бокам, скульптурная рукоятка, защищённая подобием глухой гарды, как у абордажной сабли, гнутое цевьё, двойной зажим для предплечья вместо приклада – и весь корпус будто отлит целиком, да только это не литьё, а неизвестно что вообще. Попадают разрядники к людям редко. Ну, тем дороже и стоят. В два, а то и в три раза больше, чем хорошая снайперская винтовка. В пять раз больше, чем «калашников» или М-16. И ещё дороже стоили бы, но разрядников хватает только на сотню выстрелов. Правда, стреляют они как надо и могут прожечь в человеке дырку размером с чайное блюдце. Но сто выстрелов – это всего лишь сто выстрелов, да и то если штука заряжена до отказа. А как их заправлять, знают лишь ибогалы. У них это оружие недавно появилось, и наши ещё с ним не разобрались.

В третий раз Тотигай притащил от гряды лучевые трубки, напоминающие гибрид скипетра с кастетом, электробичи, похожие на тощих электрических угрей с петлями для кисти вместо голов, и два ошейника. Трубки я оставил – стреляют они недалеко, и энергии хватает ненадолго, зато их достаточно подержать на солнцепёке для подзарядки. А вот бичи выкинул. Работорговцы готовы неплохо платить за них,

но я не люблю работорговцев и давно для себя решил, что поставлять им орудия труда не намерен.

Проигнорировав недовольный взгляд Тотигаю, который подобных комплексов лишён, я осмотрел ошейники. Забавные штуки, хотя особой пользы от них никто не видел. Умники из Субайхи называют их «обруч-маска» и считают, что яйцеголовые используют ошейники для общения с вышестоящими, когда требуется скрывать лицо. Наверно, так и есть, ведь их носят не все ибогалы, а только чисторождённые второй ступени. Ошейник способен по желанию хозяина разворачиваться в конструкцию, напоминающую шлем, сросшийся с верхней частью рыцарских доспехов. Я в своё время немало помучил мозги, пытаюсь определить, для чего ещё могут пригодиться такие кастрюли кроме маскарада, но ничего путного в голову так и не пришло. Для защиты они бесполезны, поскольку их пластинки, хотя и весьма искусно сочленены друг с другом, слишком тонки. А «доспехи» закрывают лишь плечи и верхнюю часть груди, оставляя спину целиком голой.

Нукуманы говорят, что с помощью шлемов ибогалы общаются меж собой телепатически. Ну, не знаю. Однажды на привале я эти штуки надевал на себя, пытался испускать мысли так и эдак, но не смог даже внушить валявшемуся рядом Тотигаю, чтоб он выплюнул кость, которую обгладывал.

Имхотеп объяснил мне потом, что для успеха задуманного надо натянуть шлем на чисторожденного второй ступени,

а самому быть чисторожденным первой. Тогда можно вбивать подчинённому в башку любые приказы, обязательные к исполнению, как и безмерное уважение к начальству. Иначе фокус не получится. А ибогальские начальники могут общаться меж собой на расстоянии без всяких приспособлений.

Во времена больших войн с яйцеголовыми существовала секта, главарь которой втирал людишкам, что ибогалы не станут трогать тех, кто наденет на себя ошейники. Что, мол, можно будет с ними договориться: надо лишь прочесть правильную молитву и начертать перед собой в воздухе символ Лилии Геагамы. Удивительно, сколько простофиль поверило ему. Сколотив капитал на торговле никому прежде не нужными безделками, главарь, ясное дело, свалил с концами. А после первого же набега яйцеголовых в те края, дураков там стало меньше ровно на число членов секты. Правда, не сразу: ибогалы посадили их на колья с перекладинами, чтобы острия не пропоролы кишки слишком глубоко, и вороньё успело обклевать всех ещё заживо. Ибо полумразумному зверью не положено цеплять на себя знаки отличия чисторожденных, поминать имя Священной Лилии всуе, и тем паче чертить ее символы своими грязными лапами. Даже в воздухе.

После этого до самых тупых дошло, что договориться с яйцеголовыми нельзя. Или мы их, или они нас. И еще долго никто не притрагивался к ошейникам.

Потом ничего, отошел народ, и сейчас товар сбыт находит. Фермеры пользуются тем, что ошейники в развёрнутом виде имитируют головы додхарских зверей, и обожают вывешивать их на своих полях, надевая на вкопанные в землю шесты. Вместо пугал. На психику воробьёв и сорок вид этих приспособлений действует просто губительно.

Ошейники – почти единственные вещишки из обихода ибогалов, которые хоть немного смахивают на продукты нормального производства. Остальное сродни разрядникам – не поймёшь, как сделано. Умники говорят, что это всё плоды биотехнологий, по части которых яйцеголовые большие умельцы. Но чтоб я пропал, если смогу вообразить себе такие технологии. Хотя самих плодов навидался – дальше некуда.

Вот ибогальские кинжалы или мечи – лезвия и ручки из одного и того же материала, и каждый из них не похож на другой. Все разного размера и формы, клинки имеют разное число изгибов; стоит взяться за рукоять, и меч выскакивает из ножен, словно выброшенный пружиной; а когда вкладываешь обратно в ножны, нужно только кончиком попасть, и его всасывает туда сам по себе. Плащи у яйцеголовых как живые, липнут к телу, ветер их не раздувает, а если положить такую одежду в холодное место, она всё равно остаётся тёплой, как будто её только что сняли. Хорошие плащи, среди людей они ценились бы высоко, но после Проникновения на Земле стало тепло до самых полюсов, а ради ночёвки под от-

крытым небом никто в ибогальские тряпки заворачиваться не будет. Кто его знает, что это такое. Ещё оживёт ночью и задушит тебя, пока ты спишь. Только созерцатели их и отваживаются носить.

Из четвёртой ходки Тотигай вернулся с Книгой, положил её у моих ног и улыбнулся. Человека, незнакомого с керберами, от такой улыбочки мог бы хватить удар – сразу приходит на ум, что тобою собираются пообедать. Комплекция у керберов внушительная, бойцовая: зад узкий, грудь широкая, и весят до сотни килограммов. Когтищи как сабли. Клыки как у тигра. Но Тотигай и вправду улыбался. Очень ехидно, причём.

– Твой заход, – сказал он елейным тоном. – Лошадиную ногу отгрызать не стану. Увидишь, она сверху торчит, я раскопал.

– Да ты ведь уже нажрался на месте, – возразил я, плясая на его находку и пытаюсь себя убедить, что вижу не то, что вижу.

Тотигай презрительно фыркнул, отменяя мой довод.

– Это просто лёгкий перекус между делом. А тебе? Собрался и дальше поститься?..

Конечно, если я сегодня хочу поужинать, то мяса нарезать придётся, но сейчас я во все глаза смотрел на Книгу.

– Почему не принёс её сразу? – спросил я слегка охрипшим голосом.

– Потому, что не сверху лежала, – ответил Тотигай. – И

вообще, какие претензии? Шёл бы да ковырялся сам в этом дерьме.

Кербер, в общем-то, остался более-менее чистым, но передние лапы он вымазал изрядно. Я оставил его отскребаться, а сам отправился к мёртвой гидре. Высоко над грядой уже кружили двухголовые додхарские стервятники и наши земные грифы. Из всех земных птиц только грифы свободно летают над мехраном, и только они одни с удовольствием жрут местную падаль наравне с аборигенами здешних небес.

Конечно, я не стервятник. Но всё-таки мы, трофейщики, чем-то сродни грифам, не зря же и эмблемой нам служит гриф. И мы тоже способны питаться додхарской падалью, или даже заготавливать её впрок. Именно это я и собирался сделать.

Глава 2

Прежде чем двинуться от гряды дальше по тропе, мне пришлось перепаковать добычу, которую мы взяли в городе. Четыре автомата из своего рюкзака я связал попарно, добавил к ним ибогальские мечи (второй из которых я всё-таки нашёл) вместе с разрядниками и остальным ибогальским хламом, и приспособил Тотигаю на спину наподобие выюков. Сбрую сделал самую простую, чтоб кербер мог в любой момент освободиться от неё и от груза, не запутавшись в ремнях: ему нужно было лишь дёрнуть зубами концы единственного узла. Тотигай долго стонал, ворчал, пугал меня химерами и драконами, которых он якобы не заметит вовремя, если станет тащить на себе выюки. Я велел ему заткнуться и напомнил, что некоторые порядочные керберы во времена предыдущего Проникновения не только с радостью таскали по два лёгоньких тюка, но и возили на себе своих приятелей из людей. Тотигай возмущённо заявил, что это лживая пропаганда, призванная оправдать бессовестную эксплуатацию четвероногих; что предыдущее Проникновение было давно и про него у нас на Земле наврали ещё больше, чем у них на Додхаре; что людей на себе возила весьма тупая, крупногабаритная, ныне полностью вымершая порода керберов; что я ему не хозяин; что он – не ломовая лошадь; и что с нашей стороны глупо тащить на себе всё это дешёвое барахло, бро-

сая Книгу, которая стоит в десять раз дороже, чем остальное вместе взятое.

Я действительно чуть было не оставил Книгу там, где мы её нашли. Так и подмывало отойти подальше от тропы и засунуть её где-нибудь между камней в мехране. Можете считать меня дураком, готовым зарыть обратно яму с кладом только потому, что на крышке сундука лежит скелет. Но у меня было предчувствие, что Книгу брать не стоит. Слишком уж опасная это вещь, чтобы таскать её при себе. В Утопии, лет пять назад, умники решили побаловаться с нею – с тех пор полиса больше не существует. И никто не выбрался оттуда, чтобы рассказать, что произошло. А лично для меня хуже всего в этой истории было то, что именно я помог умникам опознать в малоинтересной поначалу для них чужеродной диковине Ганум Зилар – Книгу Знаний, обладать которой может любой, но пользоваться – только достойный.

К сожалению, предания о Книге не уточняли детально, в чём именно должно состоять достоинство. Но в любом случае среди умников людей с нужными качествами не нашлось, и это, на мой взгляд, яснее прочего доказало, что они слишком воображают о себе. Утопия в самом буквальном смысле превратилась в пыль, и даже обычная трава на том месте снова стала расти лишь пару лет назад.

Хотя нормальных школ у людей теперь меньше, чем раньше было государств, кое-какое образование я получить сумел, до глубины души прочувствовав при этом, что знание –

вещь тяжёлая. Часто неприятная. Но не настолько же?..

Оказалось, бывает всяко. А на самой Книге, как я мог теперь убедиться, не осталось и мелкой царапины.

Смотрел я на неё и думал. Конечно, это вовсе не книга никакая, только выглядит похоже. Весит она до чёрта, открыть её нельзя, сверху торчит вроде как рукоять меча или кинжала. Можно взяться рукой, размер подходящий, но я поостерёгся. И тем более не стал пробовать этот меч или кинжал из Книги вытаскивать. Может, в Утопии как раз с этого и началось.

В конце концов Книгу я всё же забрал. Поступи я по-другому, Тотигай, чего доброго, в ближайшую ночь отгрыз бы мне все выступающие части тела. Умники, любопытство которых после катастрофы возросло пропорционально потерям в численности, назначили за Книгу фантастическую премию. Однако я наотрез отказался бросить всё и двигать за премией прямо теперь же. Нет – сперва мы идём в Харчевню. Показываем Книгу Имхотепу. Слушаем внимательно, что он скажет. Потом – остальное.

Конечно, Имхотеп мог ничего важного не сказать. Или, что хуже, отказаться говорить. Или сказать такое, после чего Ганум Зилар и вправду придётся выкинуть. Но заострять на этом внимание в споре с Тотигаем не стоило.

Я сунул в рюкзак мясо, уложенное в толстый полиэтиленовый мешок, который специально для этой цели таскаю. Потом положил вещи, добытые в городе, подарки для Лики, по-

дарки для Имхотепа, ну а Книгу приспособил сверху, чтобы в случае чего побыстрее до неё добраться и выкинуть. Только поможет ли? Если из-за сей вещички целый полис гакнулся, то не получится закинуть достаточно далеко.

Даже после всех проделанных манипуляций по облегчению рюкзака, он потянул бы килограмм на пятьдесят. Рюкзак у меня, как и у всех трофейщиков, станковый, безразмерный, неубиваемый. Их специально для нас делают в Харчевне, в мастерской «Чёрная дыра». К мастерской название прилипло от первых выпущенных ею моделей. Это были просто очень большие, невероятной прочности вещмешки, в которые ты мог впихнуть целый супермаркет. Но когда доходило до того, чтоб вытащить что-нибудь обратно, особенно снизу, извлечь желаемое оказывалось не проще, чем из настоящей чёрной дыры. После рюкзаки стали делать более удобными – с карманчиками, застёжками, отделениями. Объём и прочность остались прежними. Никогда не угадаешь, с чем будешь возвращаться, – с железяками или с тряпками. Да и некоторые тряпки, если их предложить соответствующей клиентуре, могут принести не меньшую прибыль, чем оружие и боеприпасы.

Однако теперь моё внушительное заплечноеместилище оказалось переполненным, и немалую часть веса составляла конина. Но нам не везло в охоте с того дня, как мы вышли из города. Прямо наваждение! Мой НЗ кончился катастрофически быстро, чему не приходилось удивляться, принимая

во внимание аппетит кербера. Упрёков я от него наслушался – дальше некуда. Мы что, не могли завернуть в Бродяжий лес, как обычно?.. Я что, переломился бы, захватив из Харчевни не десяток галет, а сотню?.. Сейчас Тотигай нажрался мяса, добытого для него гидрой, поэтому и не хотел тащить вьюки; но после такой голодовки, какая нас постигла, уже к ночи его желудок о себе заявит. Не говоря о моём собственном. Я, в отличие от кербера, сырую додхарскую конину есть не мог – придётся терпеть до большого привала. А нам ещё завтра целый день топать.

Часы я с собой не таскаю – лишний груз, – но чувство времени у меня будь здоров. Тронувшись от гряды, мы взяли обычный ритм: двадцать пять минут ходьбы – отдых пять минут. Ещё двадцать – отдых десять. Такой способ удобен, он позволяет делать короткие привалы раньше, чем всерьёз устанешь. При нормальных обстоятельствах. Но полцентнера поклажи на горбу вряд ли можно назвать нормой, и я почти обрадовался, когда в самом начале четвёртого перехода Тотигай подал едва слышный сигнал тревоги.

Присев, я быстро, но осторожно скинул рюкзак с плеч и снял винтовку с предохранителя. Кербер бросился на землю ещё раньше, тюки легли у него по бокам, и он просто выполз между ними вперёд.

Немного выждав, Тотигай медленно поднялся и двинулся на полусогнутых к торчавшей в сотне шагов скале, каждый раз тщательно выбирая место, куда поставить лапу. С полдо-

роги возвратился и принялся обнюхивать тропу. Повернувшись, пронзительно глянул на меня через плечо, и я сразу понял, что это именно сигнал для меня, поскольку керберы и так всегда знают, что происходит сзади, – оглядываться им не нужно. Я встал, опустил винтовку, и мы сошли с тропы, стараясь не слишком тревожить валяющиеся повсюду куски вулканического шлака. Когда приблизились к скале, из-за неё с шумом взлетели стервятники.

Там лежал труп кентавра, причём не целиком, а разрубленный на части. Рядом – седло с уздечкой и лук со стрелами. Измазанный кровью и пылью хвост валялся в стороне. Учтывая, какой трофеей мы с Тотигаем заполучили у гряды, я ничуть не сомневался, что это не последний труп на нашем пути. А в конце, возможно, кто-нибудь обнаружит наши. Если от нас останется что-то такое, что можно обнаружить.

Тотигай медленно обошёл вокруг и сказал:

– Он сломал левую переднюю ногу. Видно, угодил копытом в трещину. Его пристрелили из разрядника, порубили и спрятали здесь. А когда возвращались на тропу, даже сдвинутые камни старались класть на место. Но некоторые из них лежат наоборот.

Я тоже по дороге к скале заметил несколько мелких камней, лежавших вверх светлой стороной.

– А что ты хочешь? – хмыкнул я. – Это же яйцеголовые. В чём-то они сильны, а вот сообразить, что камни тоже могут загореть на солнце... Хорошо если один из десятка знает про

это. И не стоило заметать кровь хвостом кентавра там, где они рубили тушу: надо было присыпать пылью сверху. Всё равно на песке остались разводы. Только зря старались.

– Никаких свежих следов, кроме следов нукуманских коней, на тропе не было, – сказал Тотигай. – Ибогалы устроили засаду, но где-то впереди.

– Пойдём посмотрим?

– Ты уже знаешь, что мы там увидим.

Нам не пришлось далеко ходить. Через полтысячи шагов мы нашли прямо на тропе трупы двух нукуманов и ещё одного кентавра. Этот был под седлом и лежал там, где упал. В черепе зияла дыра, пробитая стрелой из нукуманского арбалета. Стрела прошла навывлет. Сильные у шишкоголовых арбалеты...

– Зря ты тащил конину так далеко, – сказал Тотигай.

– Ещё не хватало мне жрать кентавра, – буркнул я. – Как-нибудь обойдусь.

– А я один раз пробовал, – похвалился кербер.

Чудище лежало завернув под себя одну руку. Вторая оставалась на виду и выглядела совсем как человеческая, только была покрыта жёстким конским волосом. Ну и торс тоже...

Торс обезьяний, угловатый, крепкий, с мощными грудными мышцами. Морда, конечно, отвратная. Пасть с выпирающими зубами, широкие ноздри. Длинная жилистая шея. Копна волос на голове, растрёпанная спереди, сзади собрана в пучок ремешком из кожи. Низкий скошенный лоб, глубоко

посаженные глаза... Человеческие глаза. Нет, не смог бы я его съесть.

Я знал, что при жизни он мог ржать как жеребец и умел говорить по-нашему чище, чем Тотигай. Ибогалы специально учат кентавров земным языкам. Психологический приём, наверно. Я не впечатлительный, но во время схваток с ними жутко слышать, как они вопят по-китайски или матерятся на русском. Они же допрашивают пленных. Особенно любят женщин, и я ещё не слышал, чтобы хоть одна из них осталась живой после допроса.

Выглядят кентавры тошнотворно. Нукуманы со своими раскосыми глазищами, повёрнутыми на сорок пять градусов относительно линии горизонта, живыми косичками и безобразными шишками на голове, тоже далеко не красавцы, но нукуманы ведь другая раса, как и яйцеголовые. А вот эти...

Век бы не видать кентавров.

Тотигай понимающе посмотрел на меня и спросил:

– Трофеи же не станем брать? У нас и так полный воз.

– А что тут брать? Лук его, что ли? Секиру? Седло? Кому они нужны... У нукуманов ничего брать нельзя, потом хлопот не оберёшься.

Шишкоголовые хоронят своих вместе со всем, что принадлежало им при жизни, распространяя право собственности на покойников как на живых. Человек, берущий что-либо у мёртвого нукумана, просто-напросто ищет неприятностей на свою голову. Именно поэтому мы ничего и не взяли с

убитых гидрой скакунов. Мясо не в счёт. Поди разбери, кто его съел. Сбруя – дело другое. Ведь можно было её спрятать рядом, в мехране. Но её потом никто не купит. Побоятся. Нукуман, увидев чужака в седле, принадлежавшем его тринадцатияродному племяннику, даже посреди нашего поселения снесёт наглецу голову не задумываясь. И плевать ему, что потом люди сделают с ним самим. А в нукуманские края заехать со старыми клеймами на ихних причиндалах или совсем без оных – это уж точно верная смерть.

Мне и вовсе не с руки нарушать обычаи шишкоголовых. У меня полно друзей среди них, и вообще они отличные ребята. Тотигай не столь щепетилен, но, с другой стороны, из даров цивилизации ему ничего и не нужно, кроме ибогальских галет. Всё остальное добро, прежде чем обменять его на галеты, нужно тащить как минимум до Харчевни. Вьючить сами себя керберы не могут, а в зубах много не унесёшь. Да и бежать несколько дней подряд с раззявленной пастью по пустыне – это, согласитесь, занятие, от которого постарается увильнуть любое разумное существо.

– Хочешь их похоронить? – спросил Тотигай.

– Творящий дела милосердия войдёт в Обитель Бога, – ответил я нукуманской присказкой. – Давай сделаем? Не облезем поди. А их родственникам было бы приятно.

Для керберов «милосердие» не более чем пустой звук, однако Тотигай помог мне сложить над телами нукуманов небольшую каменную груду – тагот. Камни поменьше он

приносил в пасти, крупные ворочал передними лапами и, приседая на задние, укладывал на место. Но чаще просто подкатывал поближе к будущему захоронению и предоставлял остальное мне. Лапы керберов прекрасно приспособлены для драки, а для работы – совсем никак. Пальцы слишком короткие, а стоит их согнуть, как из пазух сразу выдвигаются когти. Несмотря на это, Тотигай старался изо всех сил. Нет, всё-таки он не похож на своих сородичей. Любой другой кербер просто уселся бы рядом и смотрел.

– Яйцеголовые знали, что нукуманы появятся здесь, – сказал я между делом.

– Они могли поджидать кого угодно, – возразил Тотигай. – А когда на засаду напоролись нукуманы, решили не привередничать. В первую очередь им требовались кони. Вдвоём они не уехали бы далеко на одном кентавре, а для ходьбы пешком эти потомки дьявола плохо приспособлены.

– Может, и так, – не стал спорить я. – Но мне кажется, что нукуманы гнались за яйцеголовыми. А те знали, что за ними погоня, вот и захотели решить разом обе проблемы.

– Может, и так, – отозвался Тотигай.

Кентавра мы трогать не стали. Двухголовые додхарские стервятники успели изрядно потрудиться над его тушей и наши земные грифы от них не отставали, несмотря на то, что у грифов, в отличие от конкурентов из местных, только одна глотка. Вот и пусть продолжают – те и другие.

Мёртвых нукуманов мы положили рядом, хоть по прави-

лам тела и следовало захоронить порознь. Ну да ладно, в мехране обычно бывает не до церемоний, павших в схватке сами нукуманы чаще всего так и хоронят. Эти погибли вместе, пусть и лежат вместе. Их Предвечный Нук не глупее всякого другого бога, разберётся, кто есть кто, и сможет на том свете поприветствовать каждого персонально.

Зато тагот у нас вышел по всем правилам – куча камней, которой я по возможности постарался придать форму полусферы. Мою спину, и без того измождённую рюкзаком, ломило, но я остался доволен. Закончив, постоял над готовым могильником. Нукуманы в таких случаях ничего не говорят. Они думают. Или поют гимны Предвечному.

Думал и я. О чём придется. А что ещё делать, раз я в богов не верю, петь не умею, а торчать здесь вместо временного памятника всё равно надо?

– Если не знать заранее, сроду не догадаешься, что ибогалы с нукуманами одно племя, – сказал я, когда мы досыта намолчались.

– И всё же они друг другу родня, – ответил Тотигай. – Ты разве не замечал, как они похожи?

Ну, с моей точки зрения ибогал на нукумана похож так же, как пудель на дога. Однако что-то общее у них есть, это ясно. И не в том дело, что у них у всех по две руки и по две ноги. Те и другие похожи на людей телом, так ведь не люди же. Одни головы чего стоят. У ибогалов черепа вытянутые, длинные; черты лица правильные – я бы даже назвал их красивыми,

если б они не были такой мразью. А у нукуманов черепаушки уродливые, разделены сзади, будто Создатель пытался пристроить каждому по два затылка. Волосы они заплетают в мелкие косички. Судя по всему – заплетают раз и навсегда, потому что никто не видел, чтобы нукуман свои косички переплетал. А вот как они шевелятся, видели многие. И я видел. Зрелище страшноватое, словно волосы нукуманов живут собственной жизнью, хотя это обычные волосы, сколько я ни присматривался. И сегодня лишний раз убедился.

– Раньше они были одним народом и делились на совершенных и низких, – сказал Тотигай. – Совершенными, ясное дело, считали себя те, кто стоял у власти. Чтобы искоренить всякое неповиновение низких, они как-то изменили их... Их внутреннюю телесную сущность.

– Набор генов, – подсказал я. И тут же поправился: – Или хромосом, я точно не знаю. Генка Ждан говорил мне, но я забыл.

– Ну да, – легко согласился Тотигай, не желая вникать в такие тонкости. – Это и меняли. Вот почему у ибогалов и нукуманов такие странные головы. Сперва-то у всех были круглые, как тыквы в огороде у Лики. Хотя мозгов у этих тыквоголовых всё равно имелось побольше, чем у людей. Они учились выращивать для себя то, что им было необходимо, улучшая растения и животных, и дела шли неплохо, пока они не задумали улучшить себя.

– И что случилось? – спросил я.

В общих-то чертах я всё знал, но послушать версию Тотигая всегда интересно. Керберы замечательные рассказчики. Все знания своего народа они сводят в тройбы – предания в стихах, чтобы щенки лучше запоминали. На их языке очень торжественно и красиво звучит, но я его не вполне понимаю, да и чисто технические термины керберы там заменяют витиеватыми конструкциями типа «сверкающий утёс, исполненный очей из твёрдой воды», а каждый раз догадываться, что это такое, нелегко. Поэтому тройбы Тотигай мне пересказывает прозой и по-нашему.

– Совершенным были нужны послушные слуги, – сказал он. – Однако не настолько глупые, чтобы стать непригодными к выполнению сложных работ. Бесстрашные воины, которые бы грудью вставали на защиту властителей, но без особых способностей. Ты же знаешь эти ибогальские приёмчики – разговоры через пустоту, внушение, и остальное... Вот чтобы без этого.

– Ну, про «остальное» пока ничего не доказано, – возразил я.

– Ты иногда становишься занудным, как умники из Субайхи, – едко заметил Тотигай. – Не зря Ждана-то вспомнил.

– Кто бы говорил, – не остался в долгу я. – Да кое за какой твой трёп тебя на Совете стай другие керберы порвали бы в клочки.

– Именно поэтому я и не хожу на Совет, – сказал Тотигай. – Испортило меня общение с тобой. Да и сам Совет дав-

но превратился в сборище тоскующих по прошлому старых болтунов – у нас почти никто уж и не живёт стаями... На чём остановились? Ах, да – совершенные стали изменять низких, а себя изменяли тоже, но в другую сторону. Они хотели увеличить свои мозги, поуменьшить их у подчинённых, и повлиять на свойства разума формой черепа. Однако совершенные сделали что-то не так, и всё пошло криво. Теперь их сволочная раса угасает, и яйцеголовые совсем не те, что раньше. А низкие не стали послушными – наоборот. Внутренние совершенных перестало на них действовать, они взбунтовались и стали строить собственную цивилизацию. Правда, получилось не очень, потому что решать сложные задачки шишкоголовые не мастера. Зато теперь они сами по себе, и люто ненавидят бывших хозяев. Они...

– Дальше знаю от них самих, – сказал я. – Нукуманы только про первый период своей истории предпочли забыть, а героические страницы содержат в сохранности... Ладно, пойдём. До Каменных Лбов ещё топать и топать.

Я помог Тотигаю нацепить на себя выюки и направился к своему рюкзаку. Прежде чем взвалить его на плечи, проверил, легко ли вращаются ножны, прикреплённые сбоку к станку на поворотном зажиме, хорошо ли выходит сам меч. Он выходил отлично. Замечательная у меня железка, самая настоящая катана. Бродячий купец, торговавший её мне, уверял, что этому мечу уже пятьсот лет. И что клинок у него в тысячу кованных слоёв. Он заломил несусветную цену, и я,

подумав, что он брешет на счёт качества товара, отказался. Купец ушёл в Субайху; я вскоре отправился той же дорогой и на второй день пути наткнулся на обглоданные химерами кости бедолаги, валявшиеся рядом с его вещмешком. Так что в итоге меч достался мне даром, а Имхотеп после сказал, что он действительно работы очень хорошего оружейника, хотя и сделан перед самым Проникновением. Не знаю, как на счёт слоёв, но для рубки ходячего мяса и всего остального он подходит идеально.

Тотигай тоже собирался в дорогу. Он вытянул вперёд лапу с выпущенными когтями, готовясь по привычке украсить автографом ближайший камень, но вовремя удержался от подобной глупости. Не такое здесь место, чтобы личные подписи оставлять.

А вообще-то его когти в самый раз подходят для наскальной живописи – и керберы большие любители этого творчества. У щенков растут обычные когти, как у любых других зверей, но потом они выпадают, и на их месте вырастают новые – необычайной остроты и прочности, способные, кажется, оставить царапины и на поверхности алмаза. На вид они будто железные, но гораздо твёрже. Вот как, скажите мне, существа из плоти и крови смогли занять такие когти? А у них и зубы такие же.

– А с твоими предками ибогалы тоже экспериментировали? – полюбопытствовал я. – Они вывели вашу породу из диких трёхголовых керберов?

Тотигай жутко оскалился, и мне показалось, что он сейчас скинет вьюки и бросится на меня.

– Никто нас ни из кого не выводил! – рявкнул он. – Мы сами по себе – ясно?

Конечно, я не принадлежу к людям, возводящим тактичность в культ. Но всё-таки зря я его об этом спросил. Керберы, как и нукуманы, тоже не очень-то любят говорить об истоках своего рода.

Глава 3

Отойдя от места, где яйцеголовые устроили засаду на нукуманов, мы свернули с Большой тропы на узкую боковую дорожку, с виду похожую на те, что без всякого смысла и порядка прокладывают среди каменных россыпей разгребатели.

Трофейщики, да и любые путешественники опасаются ходить по ним, чтобы не сбиться с маршрута и не блуждать потом в запутанных лабиринтах этой гигантской свалки вулканического шлака. Выбираться с таких дорожек на проходные тропы напрямую, во-первых, тяжело, во-вторых – опасно. Можно легко повредить ноги или провалиться в пустоты, закрытые сверху лишь тонкой корочкой застывшей лавы. Её слой постепенно разрушается от времени, слабеет под ударами камней, выброшенных правящим округой вулканом Ниор, когда он решает, что опять пришла пора извергаться. Обычно корка проваливается сама, образуя уродливые кратеры, но нередко на дне лежит скелет того, кто неосторожно проходил над такой ловушкой. Иногда это дикий додхарский ослик, а иногда и человек. Я сам однажды видел, как мехран провалился на площади размером с теннисный корт после того, как на труп издохшего пегаса уселся стервятник. Ему-то ничего не было, а вот если не умеешь летать, можешь переломать себе кости или оказаться под завалом, даже если

не разобьёшься сразу.

По самим дорожкам можно ходить безбоязненно. Разгребатель по опасному месту не поползёт, он не дурак, но он и сам не знает, куда ползёт, если нет поводыря. Однако нашу тропку проложил мой знакомый разгребатель, и сделал он это по моему заказу.

Наверно, разгребатели – самые необычные существа на Додхаре. Сначала я думал, что их когда-то вывели для своих нужд ибогалы, но ошибался. В сущности, никто не знает, откуда они взялись. Нукуманы говорят просто: «эбетори тэн» – «были всегда». Умники считают, что это реликтовая форма жизни, сохранившаяся с незапамятных времён, однако подобное утверждение легче высказать, чем проверить. Из всех додхарцев достоверными сведениями о собственной планете и её древних обитателях обладают разве что яйцоголовые, но с ними не очень поговоришь.

Некоторые думают, что разгребатели питаются камнями, да только я не однажды за ними наблюдал, и сдаётся мне, что всё поедаемое ими высыпается сзади в виде песка и гравия. И чаще всего они именно расталкивают камни в стороны – почему и получили своё название.

У каждого народа Додхара с ними связаны свои предания, а после Проникновения и у людей появились собственные. Керберы используют этих странных тварей при обряде Достижения совершеннолетия, когда у них выпадают молочные когти, а на их месте растут боевые. У нукуманов юноша

тоже не может считаться воином, пока не пройдёт соответствующее посвящение, встретившись с разгребателем один на один.

Меня с разгребателями познакомил Тотигай.

Я подобрал его щенком в разорённом логове кербера. Самку ибогалы убили, всех других щенков забрали с собой, а у этого была раздавлена передняя лапа, и они его бросили.

Не знаю, почему я так поступил, – я ведь и сам был ещё мальчишкой, не более разумным, чем этот щенок; и понятия не имел, что стану с ним делать, да только завернул его в свою куртку и притащил в Харчевню Имхотепа, где тогда постоянно жил. Щенок отчаянно рычал, зверски кусался, не хотел принимать от меня пищу, но когда я отходил, скулил так жалобно, что просто сердце разрывалось. Тогда я отнёс его к Имхотепу.

Он посмотрел своими бесстрастными глазками сперва на щенка, потом на меня, и спросил:

– Зачем ты забрал его из мехрана? Почему не позволил ему умереть? Он должен был умереть.

– Точно так же и ты когда-то подобрал меня, – ответил я.

Тогда Имхотеп взялся за лечение. Уж не знаю, что он там делал, да только через неделю лапа щенка стала как новая. Словно никогда и не было в его жизни кентавра, раздробившего копытом все кости до самого плеча.

Имхотеп так умеет, когда захочет. Никто не знает, как его зовут по-настоящему. Все называют Имхотепом, и болтают,

что он построил свою знаменитую Харчевню за одну ночь. Ещё вечером, вроде, там ничего не было. А утром возле самой Границы уже стояло грандиозное сооружение из огромных каменных блоков, по размеру ненамного меньше пирамиды Джосера.

Думаю, что это враньё, однако не слишком круто замешанное. За одну ночь или за сотню ночей – он построил Харчевню очень быстро, и неизвестно, кто ему помогал. В том месте дорога в Субайху пересекается с торговым путём из владений Горного братства в столицу нукуманского королевства Херекуш. Там же проходит Большая тропа, протянувшаяся из Европы до самого Китая. И никто не видел ни подготовки к строительству, ни самого процесса. Дальше: на всей нашей Старой территории не наберётся столько народу, чтобы окончить подобную стройку в приемлемые сроки, а ведь с начала Проникновения прошло всего двадцать лет. Ну, пусть теперь у нас время другое, наша планета уже не совсем Земля и сутки длиной в сорок часов вместо двадцати четырёх, но всё равно, по старому земному счёту прошло двадцать лет или около того. А на воздвижении (по-другому и не скажешь!) Харчевни, всем окрестным жителям от мала до велика пришлось бы трудиться лет четыреста. Однако никто из них и единого камня для Имхотепа не шевельнул. Поэтому многие полагают, что без волшебства не обошлось.

Чем бы ни занимался Имхотеп по ночам, врачевал он отменно. Тотигай ко мне мало-помалу привык и вскоре на-

учился человеческой речи настолько, что смог перевести со своего языка собственное имя. Мы вместе спали, вместе охотились, вместе клянчили галеты у Имхотепа, когда не удавалось ничего добыть и брюхо прилипало к позвоночнику. А потом Тотигай вырос, да и я тоже. Когда у него начали выпадать молочные когти, он попросил сделать из них ожерелье. Каждый кербер носит такое на шее, пока не убьёт в брачном поединке другого кербера, а делают ожерелья нукуманы и поводыри разгребателей. Неподалёку от Харчевни стояли лагерем поводыри, но Тотигай хотел, чтобы сделал непременно я. Ему-де скоро на обряд Достижения совершеннолетия, потом-де на священные Брачные бои, а ни там, ни там без ожерелья никак нельзя. Тут я и пристал к нему на счёт разгребателей, потому что уже немало наслушался о них от завсегдатаев Харчевни.

– Когда вернусь, я расскажу тебе, – пообещал Тотигай. – А пока мне повелевает молчать обет саваяха. Не сомневайся, в положенное время ты непременно всё узнаешь, и это так же верно, как то, что меня зовут Хозяин Сумеречных Скал! Ты спас мне жизнь, ты мой брат, мы никогда не расстанемся – клянусь моими молочными когтями!

Вот и всё, что я получил. Ну и прочий бред в том же духе. Был-то он, по сути, ещё щенком, да и от меня набрался глупой мальчишеской восторженности. Но я всё же был рассудительнее, и думал, что он не вернётся. Керберы людей недолюбливают, люди их тоже, и мало кто из этих страшноватых

здоровых собак с крыльями соглашается жить вместе с нами.

– Пусть свидетелями мне будут духи предков! – возмущённо заявил Тотигай в ответ на высказанное мной сомнение в его искренности. – Вскоре ты узнаешь, как мы умеем держать данное обещание!

Конечно, я ему тогда и на секунду не поверил. Взрослые керберы иногда подолгу странствуют с торговцами или трофейщиками, которые им приглянулись, иногда и постоянно ходят с ними, но это взрослые. Матёрые керберы – серьёзные твари, заслуживающие уважения, а малолетние – всего лишь кусачие и брехливые крылатые шавки, в чём я успел убедиться за годы общения с Тотигаем. Они постоянно призывают духов предков и клянутся своими молочными когтями, причём ни одному их слову нельзя верить ни на грош.

Но Тотигай вернулся. Отсутствовал он долго, и я узнал его не сразу. Кербер окреп, раздался в кости, шкуру покрывали замысловатые рисунки священных тату и шрамы зарубцевавшихся ран. На шее вместо сделанного мной когда-то ожерелья висело другое – из боевых когтей убитого соплеменника.

– Привет, Элф, – сказал он, брякаясь на пол моей комнатки в Харчевне. – Рад, что застал тебя. Слышал, ты теперь здесь редко появляешься.

Я опустился на пол рядом с ним и стал рассматривать гладкие дорожки тату. Шкура у керберов как коврик с очень коротким и плотным ворсом. Рисунки выглядели так, будто

виртуоз-цирюльник поработал миниатюрной бритвой, но я знал, что волос на этих местах не будет расти уже никогда. Тотигай приподнялся и расправил голые кожистые крылья, давая мне возможность рассмотреть остальное. На крыльях узоры были словно расчерчены белым по чёрному фону.

– Разгребатели? – спросил я.

– Только один из них. – Тотигай зевнул, показав клыки длиной с палец. – Слышал, ты стал крутым трофейщиком.

– Так говорят.

– Тогда, может, у тебя найдётся галета?

Я угостил его, и смотрел, как он ест. Боевые когти керберов очень острые, и я прикидывал, насколько тяжело поначалу носить ожерелье из них на собственной шее. Грудь Тотигая давно зажила, но превратилась в один сплошной рубец, состоящий из борозд и наростов, – настоящая броня.

– Ты, помнится, хотел побольше узнать о разгребателях, – сказал он облизываясь. – Если готов, можем пойти прямо сейчас.

Мы вышли в мехран на закате. Не очень я люблю об этом вспоминать, хотя теперь-то все всё о таких вещах знают. Но и сегодня некоторые храбрецы, решившиеся сделать себе священные тату, возвращаются восвояси на Старые территории, наложив полные штаны.

– Наши старики говорят, что разгребатели питаются мыслями, – рассказывал кербер по дороге. – Чтобы получить от них то, что хочешь, надо думать. Поводырь, когда ему зака-

зывают прокладку новой тропы, думает о том месте, откуда он выйдет, и о том, куда должен добраться. Он ложится рядом со своим разгребателем и думает, думает... Потом встанет и идёт вслед за ним. Если надо соединить две старых тропы, и никто не знает, где лучше это сделать и откуда начать, разгребатель будет показывать поводырю мехран сверху, как план или карту. Показывает прямо у него в голове, понимаешь? Так он задаёт вопрос.

Кое-что из сказанного мне тогда Тотигаем я уже слышал. Сразу после Проникновения люди без всяких знаний и опыта заходили на Додхар со Старых территорий. Некоторые, просыпаясь после ночёвки в мехране, обнаруживали у себя на теле необычные рисунки, которые было невозможно смыть. Они держались по нескольку дней, а то и месяцев, или оставались на всю жизнь. Ещё чаще знаки появлялись рядом на камнях – линии, треугольники, пляшущие человечки, изображения животных, таинственные иероглифы, отдельные буквы земных алфавитов и целые слова.

Те, кому повезло меньше, не просыпались совсем. Или с ними начинали происходить странные вещи: то выстрелит поставленное на предохранитель ружьё, то котелок с готовым обедом улетит в сторону шагов на десять, то сам человек внезапно потеряет равновесие и упадёт на ровном месте. Под иными сама собой загоралась постель. Другие сходили с ума.

Изредка люди, заночевавшие на Додхаре, наутро обнару-

живали рядом со своей стоянкой огромного чёрного слизняка. Обычно они пугались, а слизняк уползал прочь, легко раздвигая в стороны камни. Те, кто пытался убить разгребателей, кончили очень плохо. Потом кто-то оказался достаточно умён и храбр, чтобы во всём разобраться, и превратился в первого поводыря. А сейчас поводырей-людей, пожалуй, больше, чем исконных додхарских.

– Здесь мы расстанемся, – сказал в тот раз Тотигай, заведя меня вглубь лавовых полей, почти к самому Ниору. – Не сомневайся и не бойся. Если всё получится, ты найдёшь дорогу обратно. Да что там – ты сам сможешь проложить дорогу. Я буду ждать.

Я хотел было спросить его, как найду дорогу, если не получится, но понял, что это лишнее. Если не получится, мне, скорее всего, ничего уже и не понадобится. Встреча с разгребателем по додхарским обрядам – вещь суровая.

Когда я, спустя недели три, ввалился в свою конуру в Харчевне, Тотигай был там. Имхотеп, оказывается, поселил его в моей комнате. Кербер вёл себя в моё отсутствие прилично, даже псиной воняло не слишком сильно.

– Я уж думал, что на твоём трупе давно пируют стервятники, – приветствовал он меня, со знанием дела рассматривая кастовые иероглифы на моих щеках и на лбу.

Повернувшись к нему спиной, я скинул жилет и рубашку. Тотигай аж причмокнул от удовольствия, глядя на искусно выполненное в чёрном цвете изображение грифа.

– Не совсем по нашим правилам, – сказал он. – Ну так у вас и мир другой, и сами вы другие. – Он обошёл меня вокруг. – А на лице символы в порядке. Поздравляю. Не каждый способен заслужить подобные. Красивее только у Имхотепа.

Тогда я ещё не знал, как много значат кастовые знаки на Додхаре. Говорят, они выражают телесную, разумную и духовную сущность того, кто их заполучил, и сходят лишь тогда, когда сущность изменяется. Разгребателей в этом смысле обмануть невозможно, знатоков – тоже. Поэтому даже очень большие оптимисты не спешат переночевать в обнимку с чёрным слизняком. Мои знаки впоследствии немало помогли мне при общении с нукуманами. Меняться они не менялись, и не сошли. Видно, какая бы ни была у меня сущность, такую и осталась по сей день. А что касается грифа на спине, то он почему-то нравится девушкам. Ну и мне самому тоже. Я только жалею, что разгребатель сделал его не на груди, потому что после долгой трофейной экспедиции обидно бывает поворачиваться к девушкам спиной для того, чтобы они могли «ещё раз посмотреть».

Правда, спереди у меня тоже есть на что посмотреть, даже если не считать той штуковины, которая делает мужчину мужчиной. На груди красуется морда Тотигая с оскаленной пастью.

– И часто ты ночуешь в этой каменной коробке? – презрительно спросил кербер, оглядывая мою комнату. Видно, успел подзабыть деньки, когда сам с удовольствием прятался

под крышу, чтобы дрыхнуть ничего не опасаясь.

– Мне нужно где-то хранить вещи, которые не ношу с собой, – ответил я. – И нужно навёрстывать то, что недосыпаю в походах. Хожу один, без напарника, и меня некому охранять по ночам.

– Я мог бы это делать, – сказал Тотигай. – Вместе веселее будет. Если хочешь, начнём с сегодняшней ночи. На свежем воздухе спать куда приятнее.

И всё. И никаких слюнявых клятв усопшими предками и молочными когтями.

Глава 4

Теперь мы двигались по тропке, проложенной моим личным разгребателем. Я научился узнавать его, а он – меня, что большая редкость. Большинству поводырей нужно почти неотступно находиться возле своих слизняков, чтобы не терять с ними связи. А мне стоило лишь подумать о нём, и он приползал, где бы я ни находился. Это могло занимать много дней, поскольку разгребатели передвигаются медленно. И, в противовес укоренившемуся среди людей убеждению, им вовсе не нравится всё время что-то там разгребать, пробивать и выравнивать. Они предпочитают уже проложенные тропы, а ещё чаще двигаются поверх камней, мягко их обтекая. Большую же часть жизни проводят забравшись в какую-нибудь расселину, и убедить их стронуться с места нелегко. Так что я старался не тревожить понапрасну своего слизняка, да он мне и нужен редко. Только тогда, когда предстоит по-настоящему большая работа.

Такая, как вот эта. Тропа бесконечно поворачивала и раздваивалась, ведущие в никуда дорожки петляли, оканчиваясь новыми развилками или лабиринтами, упирались в скалы или обрывались в кратеры. Самозванцу, решившему отыскать наш тайный приют, пришлось бы нелегко. А чтобы запутать тех, кому нечаянно повезло к нему пробраться, я периодически призывал разгребателя и кое-что менял на

подступах к убежищу.

Чем дальше мы шли, тем живописнее становилась местность. Слой лавы, которой вулкан некогда залил округу, становился всё тоньше. Всё чаще из него выдавались отдельные скалы – каменные островки в застывшем каменном океане. Когда-то волны лавы снова и снова наступали на возвышенность посреди плоской равнины, застывали, образуя обширные плоские ступени, накатывались вновь, однако не смогли взять приступом естественную цитадель. Тогда они обошли крепость с флангов, замкнули в кольцо, окружили этот кусок земли, но окончательно покорить его не сумели. Он так и остался в осаде – несколько пологих холмов, покрытых жёсткой травой. А лава текла всё дальше и дальше по равнине, поглощая её...

Таких островков жизни в районе Ниора несколько, и этот ещё не самый большой.

– Господи, как приятно снова ступить на нормальную землю! – сказал я, когда мы выбрались на склон первого холма.

– С прошлого раза здесь могли прорасти гидры, – практично заметил Тотигай. – Смотри в оба!

Да, здесь росла не только трава, но и деревья. Куколки гидр, конечно, могут проходить и сквозь камень, однако, как и все остальные живые существа, они ищут наиболее лёгкий путь. А здесь вместо камня мягкая земля да глина, и множество деревьев, под которые можно замаскироваться. В последние годы гидры нацелились и на Старые территории про-

ползать, там им вообще раздолье, да только прикидываться осинами и берёзами они не умеют. В земных лесах эти скелетоподобные чёрные чудища видны за версту – птицы их боятся, крупные животные избегают, а на мышах разжиреть сложно.

Кряхтя под тяжестью рюкзака, я присел и принялся собирать камни. Набрал достаточно, швырнул один в крону ближайшего дерева – на пробу. Хотелось проверить свою точность с такой ношей на спине. Мелкие ветви, которые задел камень, заколыхались, но ни одна из них не попыталась его схватить. Мой снаряд сбил пару созревших почек, отскочил от перепонки между двумя ветками и упал вниз.

Кидать оказалось неудобно. Однако я утешил себя мыслью, что делать это придётся только там, где деревья стоят слишком густо и нельзя идти между ними без опаски. К тому же я и Тотигай бывали здесь часто и помнили расположение чуть ли не каждого дерева.

За всё время гидры пробрались сюда лишь два раза, и обеих мы поджарили, накидав к стволам сухого хвороста. Они потом ещё долго стояли так – страшные, обугленные, с поникшими ветвями-щупальцами, и медленно умирали. Жестокий способ, но крайне полезный. Швырять хворост приходится издалека, и надо следить, чтобы тварь хорошенько обгорела, зато потом ни одна куколка не решится прорасти там, где неделя за неделей издыхает её взрослая соплеменница. И после ещё долго на этом месте стоит запах смерти,

который чувствуют другие гидры.

Вскоре мы добрались до Каменных Лбов: примерно так их название переводится с языка керберов. Мне эта группа огромных валунов, между которых бил родник, напоминала монахов-отшельников, собравшихся в кружок для беседы, да так и застывших на своих местах. Они стояли вплотную друг к другу, оставляя внутри свободное пространство. В убежище вело два прохода: в первый мог свободно пройти человек, а через вторую, совсем узкую расселину, наружу вытекал ручей.

Открыв для себя Каменные Лбы, я убедил Тотигая прокопать под камнями потайной лаз. Он долго ворчал, но в итоге согласился с необходимостью оборудовать запасной выход, как и с тем, что ему это повернуть гораздо проще, чем мне. А во время работы настолько вошёл во вкус благоустройства нашего нового пристанища, что даже сделал внутри лаза небольшое боковое ответвление с крохотной пещеркой на конце, и мы устроили там что-то вроде склада для вещей, которые неудобно постоянно таскать с собой, но хотелось бы иметь под рукой на привале. Там же хранился запас патронов и кой-какое оружие на случай осады.

Теперь Тотигай остановился у «парадного» входа и долго принохивался, желая убедиться, что внутри никого нет. Наконец фыркнул, мотнул головой, и мы прошли внутрь.

Первым делом я свалил с себя рюкзак. Силы во мне побольше, чем во многих других, но такая тяжесть вымотала и

меня. Три дня похода по мехрану – по новому времени, – и каждый следующий казался длиннее предыдущего. Самыми погаными оказались последние часы, когда я сегодня привесил автоматы на Тотигая, зато загрузился кониной.

И Книгой. Про Книгу я не забывал – и не собирался. Весила она при своём скромном размере ненормально много, и казалась ещё тяжелее оттого, что я не знал, чего от неё ждать.

Передохнув, я принялся разбирать рюкзак. Мясо лежало в самом низу, но иначе и нельзя: вдруг мешок протечёт. Осталось положить куски в ручей подальше от родника, придавив их камнями. Пусть вымачиваются.

Жрать мне хотелось невыносимо, однако торопиться не стоило. Сырое мясо додхарских животных для людей сушая отравя. В жареном виде оно не намного лучше – от него начинаются боли в животе и человек потом сам не свой несколько дней. Единственный способ избежать неприятностей – вымочить хорошенько, а после подольше варить.

На первых порах, сразу после Проникновения многие травились мясом, а потом ничего, адаптировались. Ведь что людей с толку сбивало – додхарские овощи, фрукты и всякую зелень можно есть без опаски, и многое ещё повкуснее будет, чем наше. Бормотуны, например, свои человечьи стада пасут же в Бродяжьем лесу, и народ только жиреет.

Ещё надо учитывать свойства додхарской воды. Она, если не дождевая, почти везде горькая и противная. Но в мехране, в районе того же Ниора, где один источник приходится на

двадцать квадратных километров, и обнаружить его не так просто, выпьешь что угодно. Людям додхарскую воду пить помногу нельзя, особенно поначалу, пока не обвыклись. А в небольших дозах она даже целебная.

Я ко всему здешнему давно привык – могу уходить в мехран хоть на месяц, хоть на два. Но всё равно, на одном только мясе день за днём лучше не сидеть. Ибогальские галеты тоже не стоит лопать помногу, поэтому все трофейщики стараются разбавлять рацион за счёт фруктов. Проблем с этим нет: достаточно завернуть в Бродяжий лес или другое подобное место. Правда, в любых лесах полно бормотунов, а это такая сволочь, что век бы с ними не встречаться. Хуже них только яйцеголовые, которые их приручили, или искусственно вывели, или из преисподней вытащили – не знаю, откуда они такую паскуду взяли; но если хочешь нормально питаться и хорошо себя чувствовать, то что ж поделать?

Додхарцам наша пища подходит немногим больше, чем нам ихняя. Но и они тоже помаленьку приспособливаются.

А куда нам всем деваться, если Проникновение перетасовало наши миры, как карты в колоде?

Натурально – перетасовало. Но только это карты из разных колод. Пока рувимы не наложили заклятие на технику, вояки и учёные пытались провести аэрофотосъёмку нашей общей новой планеты и рассматривали её через уцелевшие спутники. Рассказывают, что сверху она выглядит точно так же, как растрескавшаяся грязь в пересохшей луже. Островки

– это Земля, вроде нашей Старой территории. Их все и зовут Старыми территориями, если только не придумают для своего куска какое-то особенное название. А трещины между ними – Додхар.

То есть это с большой высоты смотрится так – как трещины. На самом деле между участками разных миров почти нет перепадов высот, а там, где они есть, туда лучше не заходить. Ну и сами «трещины» бывают в десятки, а то и в сотни километров шириной.

Что теперь творится с морями и океанами, никто точно не знает, а раньше они тоже состояли из разнородных, и потому разноцветных кусков. И что интересно – вода между собой не смешивалась. Только чуть-чуть, на Границах Соприкосновения. Океанские течения, вроде Гольфстрима, первое время двигались так же, как и раньше. Идёт это течение по куску земного океана, потом пропадает на додхарском участке и снова возникает на другом земном там, где ему и положено быть.

День у нас теперь не простой, а среднеарифметический с Додхаром. Для людей сутки стали на шестнадцать часов длиннее, а для додхарцев – на столько же короче, потому что раньше от рассвета до рассвета у них проходило аж пятьдесят шесть часов. Температура воздуха у нас повысилась, сейчас везде тепло и совсем не выпадает снега. Для додхарцев она, напротив, понизилась, но им нормально, поскольку перед Проникновением они едва не вымерли оттого, что на

Додхаре стало слишком жарко.

Когда началась колонизация Парадиза, умные люди предупреждали, что в результате бездумного освоения параллельных миров у нас будут неприятности. Хотя никто не предполагал, что такие.

Единственным утешением служит то, что не одни мы вели себя как дураки.

В нукуманских преданиях сказано, что предыдущее Проникновение, которое, по нашему времени, произошло задолго до новой эры, организовали яйцеголовые, решившие смыться от своего потепления в наш мир. Но они задуманное плохо просчитали, впёрлись вместе с додхарской жарой в наш ледниковый период, что привело к его бурной кончине, однако вскоре вмешались рувимы и окончательной катастрофы не случилось. Они вернули всё на круги своя, и постепенно природа обоих миров пришла в порядок. Яйцеголовые на Земле вымерли, завезённая ими и пробравшаяся к нам самостоятельно додхарская живность – тоже. Рувимы и сейчас, кажись, не прочь поправить дела, но ведь нынешнее Проникновение устроили люди, а не какие-нибудь паршивые ибогалы. Поработали, как говорится, на совесть, и теперь даже у рувимов не получается расклеить Землю с её соседом по Обручу.

Так и живём. Половина планеты наша, половина – Додхар. То есть – его ошмётки. Настоящий Додхар остался там же, где и был, – правда, никто не берётся сказать, в каком имен-

но месте нашей Вселенной он находился, да и в нашей ли. Там сейчас, поди-ка, творится то же самое, что и на Земле. Только у нас бардак нарастал постепенно, а на них обрушился сразу. Ну ничего, это расчёт по справедливости за прошлый раз.

И если наши Потерянные территории переехали на Парадиз, а заменили их додхарские земли, то логично предположить, что на Додхар в качестве компенсации вывалились куски Кийнака, который числится следующим в Обруче миров. Это было бы славно, поскольку вывалились они наверняка вместе с населением. А кийнаки – совсем не подарок. Они едва не доконали яйцеголовых ещё в первое Проникновение – ну ничего, сейчас исправят эту досадную ошибку.

Нукуман Орекс показывал мне фрески в своём замке и рассказывал разные истории. Я ему верю, потому что нукуманы никогда не врут. Для них ложь последнее дело, хуже любого преступления, хуже смерти.

На фресках были скопища химер с тигриными лапами и огромными клыками; стада непробиваемых, как танки, толстолобов, построенные в боевые порядки; небо сплошь закрывали тучи неопикуемой крылатой нечисти. Дикие всадники в рогатых шлемах из черепов буйволов, оседлавшие пегасов, вели в атаку эти адские войска; против них сражались нукуманы на своих злых зубастых конях и керберы в доспехах.

– В своём мире кийнаки живут в полном содружестве с

природой, – говорил Орекс. – И они не любят, когда кто-то пытается природу насильно изменять, а ведь яйцеголовые как раз этим и занимались. Попав на Додхар, кийнаки сначала воевали против всех, потому что не знали о различиях между нами и яйцеголовыми. А когда разобрались, то заключили со всеми нукуманскими королевствами вечное перемирие.

На других фресках рогатые кийнаки были изображены верхом на драконах, обычных и с тремя головами. Они вели бой с кораблями ибогалов, похожими на летающие кукурузные початки. Последние я узнал сразу – вон сколько их по мехрану валяется...

– Как кийнаки могли держаться против ибогалов так долго? – спросил я тогда Орекса.

– Они были волшебниками, магами. Умели заклинать любых животных, и те их слушались. Поднимали в воздух огромные камни, даже к ним не прикасаясь, и обрушивали на врагов. Накладывали заклятья на оружие ибогалов, и его заклинивало. Корабли падали на землю.

Это мне тоже было знакомо. Вскоре после Проникновения, когда ибогалы попали к нам и выяснилось, что они за уроды, наши с ними крепко сцепились. И уцелевшие в междоусобицах вояки, и умники, и банды анархистов. Но люди ни за что не выстояли бы против летающих початков ибогалов, не наложи рувимы заклятие на технику. То, что ездило на колёсах или могло летать, – всё пришло в негодность.

Сначала мы думали, что нам одним так не повезло, а рувимы воюют на стороне яйцеголовых. Потом узнали, что рувимы ни одну из сторон не поддерживают, сами по себе, пришли не с Додхара, а неизвестно откуда, и вообще не живые существа, а... Ну, кто они такие, я не берусь сказать. И наши умники этого не знают, и ни один из народов Додхара.

Что рувимы сделали с техникой, тоже неясно. Мы привыкли говорить, что они наложили заклятие, поскольку разумных объяснений никто придумать не смог. Военные с тех пор так и не подняли в воздух ни один истребитель, ни один бомбардировщик, и все машины перестали заводиться, даже безобидные фермерские грузовички. Летучие початки ибогалов попадали на землю. Их большие излучатели перестали действовать. Правда, и наши серьёзное оружие использовать не могли. Все базы с ядерными ракетами рувимы заблокировали ещё в самом начале, хотя тогда никто не знал, что это они. И очень хорошо, что рувимы об этом позаботились, иначе уцелевшие после Проникновения земные правительства рано или поздно пустили бы ядерное оружие в ход – друг против друга.

А войну с ибогалами нам пришлось довоёвывать исключительно пешим порядком и врукопашную. Ну, тут уж мы им дали. Обычное-то оружие у нас осталось в норме, а у них ничего такого не имелось, кроме маломощных лучевых трубок, – всё было сосредоточено в основном на кораблях. Все объединились и врезали им как следует, вычистив яйцего-

ловую гадость со Старых территорий, куда ибогалы успели пролезть.

Конечно, вскоре они оправились. Что ни говори, а мозгов у них достаточно – серого вещества вдвое больше, чем у людей. Стали выращивать вот эти свои разрядники, два из которых Тотигай сегодня полдня тащил на себе. А ещё раньше начали разводить боевых кентавров, благо материал был под рукой – пегасы и мы. Наладили селекцию орков, а орки – во-яки ещё те, и драться с ними трудно.

Однако худа без добра не бывает, и если разобраться, то нам крупно повезло, что в Обруче миров Додхар служит прокладкой между Землёй и Кийнаком. Пускай кто угодно имеет дело с тамошними природолюбцами, лишь бы не мы. Не то чтобы они были слишком плохи, но они непредсказуемы. Их мысли по особенному руслу текут – не так, как у людей.

Орекс говорил, что их магия была не такая сильная, как у рувимов, но и её хватило бы, чтоб окончательно всем нам испортить жизнь. Если кийнаки на яйцеголовых так окрысились за их технологии, то насколько бы им понравились наши? У кийнаков доставало сил воевать против ибогалов с прошлого Проникновения до нынешнего. К сегодняшнему дню из них почти никого не осталось, зато яйцеголовых они совершенно обескровили.

Нукуманам эта бесконечная война пошла на пользу. Им удалось отбиться от своих бывших повелителей и окончательно отстоять независимость. Сейчас у них дюжина соб-

ственных королевств со всеми прелестями феодализма. Использовать традиционные ибогальские технологии они не желают, а создать нечто новое так и не смогли. Впрочем, ни один из нукуманов, с которыми мне довелось встречаться, несчастным не выглядел.

А кийнаков яйцеголовые в конце концов разбили. Магов погубило нежелание объединиться друг с другом: воевать-то они воевали, но все кланы действовали порознь, периодически опускаясь до усобиц. Родственные племена ойду, сарагашей и пхаясо не обладали способностями кийнаков и не поддерживали их, держась особняком. Может, потому и уцелели. Они и на родной планете со своими продвинутыми сородичами не очень общались.

Умники из Субайхи по поводу всего этого говорят, что на Додхаре определённо имел место затяжной конфликт между двумя цивилизациями, экологической и биотехногенной – с предсказуемым финалом.

Конечно, я не умник и не специалист по предсказаниям. Но даже мне понятно, что техника, био она или нет, в итоге всегда побеждает.

Яйцеголовые поставили крест на кийнаках, вздохнули с облегчением и обратили свои взоры на нукуманов. Те попрятали жён и детишек в подземелья своих замков, наточили мечи и приготвилились к последней битве.

Как раз в это время люди открыли секрет перехода в параллельные миры, попытались колонизировать Парадиз, и

началось Проникновение.

Глава 5

Размышляя обо всём этом, я уже нарезал здоровые ломти мяса на куски поменьше. Маловато вымачивалось, ну да ладно. Подольше поварю.

Но я уже знал, что подольше варить не стану. Съем так, ничего со мной не случится. Парни из Харчевни не верят, но в детстве я однажды стрескал с голодухи щупальце гидры, которое откромсал опасной бритвой, в то время как она пыталась меня схватить. И ведь не помер же. Хотя с тех пор ненавижу гидр в два раза больше, а уж лопать гидрятину меня теперь и под дулом ибогальского разрядника не заставишь.

Тотигай посматривал одним глазом на меня, а другим – на оставшиеся в ручье куски конины. Рыбы в ручье не водилось, но стервятники не дремлют. У двухголовых додхарских на каждого по четыре глаза, а у грифов хоть и по два, но зато тысячепроцентное зрение дальнего прицела. Висят они, паскудники, где-то над тобой так высоко, что их и не разглядишь, а стоит обнаружиться в пределах видимой стороны планеты хоть крошке беспризорного харча – они уже тут как тут.

Но на Тотигая в плане сторожевых обязанностей можно положиться. У керберов по бокам головы и на темени есть чувствительные точки, которыми они видят почти так же хо-

рошо, как глазами. Пожрать Тотига́й любит ничуть не меньше стервятников, и не понимает, для чего ему с ними делиться, поэтому стащить мясо у него из-под носа – попросту непосильная задача. На месте схватки яйцеголовых с гидрой он съел чуть не половину лошади, но успел хорошо пробежаться с тюками на спине, и теперь внимательно наблюдал за моими действиями. У нас с ним договор: в таких случаях мясо мне, а бульон – ему. Я бульон пить не могу, плохо с него. А учитывая время, необходимое для варки, Тотигаю всё равно перепадает больше. Что там в мясе-то остаётся...

Поэтому и навалил я его в котелок от души. Доем – ещё поставлю. На утро. Да и ночью проснусь наверняка. Слишком много шагов с рюкзаком на плечах я сделал с момента последней съеденной мною галеты.

Пока варилось мясо, а Тотига́й его стерёг, я отправился в холмы и насшибал с деревьев почек. Их можно есть сырыми или сушить и толочь в муку. Палые тоже годятся, пока не начали превращаться в зародыши. Но тогда они почти сразу оукливаются и зарываются в землю.

Долго трудиться не пришлось, и управился я быстро. Яйцеголовые когда-то окультурили весь Додхар, и здешние леса большей частью – их одичавшие сады и плантации. Везде, где есть вода, съедобной растительности полно. Проклятый вулкан! Не будь лавовых полей, на которых ничего не растёт, путь от Харчевни до города и обратно был бы чистым удовольствием.

Если не считать патрули яйцеголовых, напомнил я себе.
Если не считать пегасов, драконов, химер и бормотунов.
Если не считать...

Э-э-э, да что перечислять. До зимы времени не хватит, несмотря на то, что её теперь вовсе нет.

Коротко сказать, мир Додхара был бы совсем не плох без большей части его обитателей.

Когда мясо сварилось, я вытащил из нашего тайника шампуры фабричного производства, раздобытые некогда в городе, насадил на них куски конины и приспособил над костром – обжариваться. Люблю с дымком. Котелок поставил охлаждаться на мелком месте в ручье, чтоб остыл бульон, подержал его там и отдал Тотигаю. В походе мы с ним харчуемся из одной посуды, чем я ничуть не брезгую. Керберы – они чистые. Более чистоплотны, чем наши собаки, да и зараза ихняя к нам не пристаёт.

Нукуманский жеребец оказался на вкус очень даже. Не часто доводилось мне пробовать додхарскую конину. Нукуманы своих коней берегут, относятся к ним с трепетом и уважением, которого, на мой взгляд, эти злобные монстры совершенно не заслуживают. На вид они красивы – высокие, сильные, выносливые, и могут подолгу не пить. Но своенравные, спасу нет. Протянешь такой животине горсть почеч, угостить, а она уже норовит оттяпать тебе руку по локоть.

Не успел я доесть первый шмат мяса, как Тотигаю выла-

кал весь бульон, и теперь неприязненно смотрел на меня. Я кивнул в сторону мешка с кониной. Кербер с достоинством поднялся, запустил в мешок лапу и выудил оттуда здоровенный ломоть. Бог с ним, пусть ест. Договор договором, но мне столько не надо. Пускай завтра нас встретит Бобел, но и ему не управиться со всем, что имелось, а мне сегодня будет меньше возни с варкой и жаркой.

Утолив первый голод, я выложил вымачиваться в ручей остальное мясо, оставив в мешке достаточно для того, чтобы ТотигаЙ считал меня настоящим другом. Но завтра пусть не вздумает ныть, когда взвалю на него тюки... Вернувшись к костру, я снял готовый шашлык с шампуров и разложил над огнём новую порцию.

– Послушай, Элф, – сказал кербер, устав работать челюстями. – А правду говорят, что Имхотеп не кто иной, как один из уцелевших кийнаков?

Я не раз убеждался, что наши с Тотигаем мысли часто текут в одном направлении. Наверно, потому мы и вместе так долго. Только что я думал про кийнаков – и вот, нате пожалуйста.

– Тебе должно быть виднее, – ответил я. – Ведь кийнаки – твои земляки, а не мои. Что касается меня, то я всегда считал Имхотепа человеком. По крайней мере, выглядит он как человек.

– Живьём я никогда кийнаков не видел, – возразил ТотигаЙ. – И какие они мне земляки, если пришли на Додхар с

Кийнака? Но запах у Имхотепа не такой, как у людей.

О владельце знаменитой Харчевни болтали всякое, и я сам знал за ним немало странного, но мне никогда не приходило в голову рассматривать вопрос с этой стороны.

Он подобрал меня ребёнком в мехране и привёл в свою обитель, которая больше всего напоминала величественный храм, но почему-то служила в качестве постоянного двора для бесчисленных скитальцев образовавшегося после Проникновения Нового мира. Торговцы, трофейщики, нищие, проститутки, калеки, созерцатели, обедневшие фермеры, бродячие проповедники, бандюги, от которых отказалась даже их собственная шайка, – никто не знал у Имхотепа отказа. А кроме них – нукуманы, керберы, поводыри разгребателей... На путь до Харчевни у нас ушло больше двадцати дней, и примерно столько же этот низенький лысый старик должен был потратить на дорогу до места, где меня подобрал; но позже я убедился, что он не оставляет своё хозяйство и на день. Оставалось думать, что он сделал именно для этого похода единственное исключение или раздвоился.

Он никогда мне ничего не рассказывал, пока я не задавал вопрос. Ни разу не пригласил за стол, ни разу не приласкал. Вообще не обращал на меня никакого внимания. Так что приёмным отцом его можно было назвать только с большой натяжкой. В то же время, стоило мне попросить о чём-нибудь – он не отказывал. Подкармливал, когда мне не удавалось добыть обед самостоятельно. Давал что-то из одежды.

Помог со снаряжением для первой экспедиции в город – мне исполнилось только двенадцать лет по земному счёту, но он меня не отговаривал, хотя далеко не все взрослые отважились заходить в заброшенные со времён Проникновения города.

Я не раз слышал разговоры о том, что он один из кийнаков, но не придавал этому значения. И только теперь подумал, что так и могло быть. Фрески в замке нукумана Орекса изображали кийнаков существами, весьма похожими на людей, причём разных цветов кожи. Были среди них белокожие – высокие и бородатые; тоже белокожие, но низкорослые, коренастые; были узкоглазые, с жёлтыми лицами, похожие на японцев или монголов; чёрные, как африканцы и красные, как индейцы майя. Попадались изображения голубых кийнаков – очень неприятного оттенка, кстати. Орекс говорил, что они красили кожу. Когда я разобрался в нукуманском языке получше, то понял, что слово «красили» не совсем подходило к тому, что он сказал. Скорее, это означало: «умели придавать любой оттенок». Ну и как это прикажете понимать? Меняли цвет, как хамелеоны?

Имхотепа я считал китайцем. Выглядел он как буддийский монах, а его лекарские приёмы отдалённо напоминали китайскую медицину. Лет семидесяти на вид, низенький, Имхотеп брил голову и ходил в длинном жёлтом облачении непонятного покроя. Впрочем, я не берусь с уверенностью сказать, как одевались настоящие буддийские монахи.

На лбу и щеках у него красовались кастовые додхарские иероглифы красного цвета, каких я больше ни у кого не видел.

– Ну, допустим, он кийнак, – сказал я, прожевав очередной кусок мяса. – И что дальше?

– Да ничего, – ответил Тотигай. – Просто это многое объяснило бы – что касается и его, и Харчевни.

– Почему бы тебе не спросить об этом самого Имхотепа?

– Ещё чего придумал, – буркнул кербер.

– Ага, поджал хвост! – сказал я.

Тотигай недовольно поморщился, с шумом втянул носом воздух и оглушительно фыркнул.

– Ты помнишь, что происходило сразу после Проникновения? – поинтересовался он, малость помолчав.

– Слишком хорошо, – ответил я. – Но хотел бы забыть.

– И что было? – с жадностью спросил кербер, проигнорировав мой намёк. – Ты ведь жил в том самом городе, в который мы бесконечно таскаемся?

Иногда мне кажется, что главная причина, по которой Тотигай со мной ходит, это его неуёмное любопытство, преобладающее у него над всеми качествами в те периоды, когда он сыт. Когда Тотигай голоден, страсть к познанию сразу же уступает место стремлению набить брюхо.

– Сначала было землетрясение, – начал я. – Не очень сильное, но трясло долго. Сперва все испугались, повыскакивали на улицы, потом успокоились и вернулись в дома. В первый

же день испортилась связь. Радио, телевиденье, Интернет – всё. Народ запаниковал, но властям удавалось держать ситуацию под контролем. Электричество у нас тоже было, потому что уцелела наша местная электростанция. Ты её знаешь, которая выше по реке. А на других Старых территориях творилось чёрт знает что. Кое-где электростанции отрезало от городов и посёлков, и они провалились на Парадиз. В других местах, наоборот, на Парадиз переместились города или их куски. Над Границами Соприкосновения висел густой туман, к ним никто не мог приблизиться, а кто отважился, тех просто испепелило на месте. У нас Граница прошла далеко, а на соседней Старой территории она разрезала пополам большой город... Был в нём?

– Да. Там вдоль Границы здания обуглены и рассыпаются в пыль. А дальше – сразу мехран.

– Вот... – продолжил я, подцепляя ножом ещё один кусок нукуманского скакуна. – Через неделю Границы стали проходимыми, и люди впервые увидели Додхар. Тогда и выяснилось, что у нас теперь два разных солнца, но дни ещё оставались прежними – на Земле свои, на Додхаре свои. А потом что-то случилось со всеми металлическими предметами. Они набирали в себя какую-то энергию. До них стало нельзя дотронуться, а к большим и подойти невозможно. Мелкие, типа монет, – ничего, только пощипывало, когда коснёшься. От большой чугунной сковородки уже могло прилично шарахнуть. От холодильника или кухонной плиты – тем более.

Взрослый выжил бы, а вот мою сестру убило. Ей четыре года исполнилось... От вещей покрупнее убивало даже на расстоянии. Идёт, скажем, человек по улице возле машины или стальной ограды – р-раз! – синяя молния в него, и он готов. Многих поубивало в квартирах – от водопровода и радиаторов. Электростанции встали, заводы тоже, всё было в дыму от пожаров. Мы жили в частном секторе, в деревянном доме, но отца убило от железного гаража во дворе. И она никуда не исчезала, эта энергия. Десять раз возьмёшься за ложку – тебя десять раз и дёрнет. Народ всё побросал и рванул из города в леса и поля, а те, кто посмелее, – на Додхар. Начался голод, понеслась анархия, и люди шарахались друг от друга, как от чумы, а потом случилась настоящая чума... Но это позже, а сразу после смерти отца и сестры мать увела меня из дома, спасаясь от синих молний. На нас напали какие-то подонки, хотели мать изнасиловать, однако за неё вступился здоровенный дядька с вилами. Лучшее оружие в то время, потому что ручка деревянная, а сами железные. Воткнул он одному в пузо свои вилы, и чуть не поджарил его на них. Остальные, увидев такое, решили вести себя скромнее. Мы втроём ушли в мехран... Он был молодец, этот дядька. Прихватил из города рюкзак с консервами, завёрнутыми в одеяло, консервный ножик с деревянной ручкой и деревянную ложку. Оборачиваешь банку рубашкой, открываешь и ешь спокойно. Ещё у него был спальный мешок, расстёгивающийся сбоку по всей длине. Мы его разворачивали, расстилали прямо

под открытым небом и спали все рядышком. Дядька охотился со своими вилами на Земле на коров, свиней и собак, а ночевали мы на Додхаре. Месяца три дела шли нормально, мы уже собрались возвращаться в город, как тут обнаружилась эта звенящая зараза – ты же знаешь, что в панельных многоэтажках до сих пор лучше не ночевать. А поначалу любые бетонные конструкции с арматурой внутри работали как трансляторы сумасшествия. Посуди сам, сколько таких штукочков в любом городе. И перекрытия в кирпичных домах, и фундаменты в частном секторе... Да ещё всякие решётчатые хреновины из железа, вроде башенных кранов на стройках. Что за информацию они принимали и откуда – вопрос, но результат всем известен.

– А почему вы называете свои города просто городами, а не по названиям? – спросил Тотига́й.

Я перестал жевать и призадумался. Действительно, а почему? Новые города называем полисами, а старые...

– Наверно, потому, что той нашей жизни больше нет и никогда не будет, – сказал я. – Умники из Субайхи верят, что всё можно вернуть обратно, – они называют места и города по-старому. Но только там, в Субайхе, между собой. А пусть попробуют сделать так в другом месте, в той же Харчевне – быстро получают по соплям. Многим хотелось бы, чтоб Земля снова стала Землёю – без Додхара, но никто не хочет возвращения старых порядков. Обходимся же мы на своей Старой территории без правительства? Каждый и так знает, что нуж-

но делать, и понимает, что в одиночку не выживешь. Если мы объединяемся для войны, то знаем, за что воюем: за себя, за свой угол, за свою землю, за безопасность на будущее, – а не за какого-нибудь зажавшегося толстопуза. Яйцеголовых мы считаем врагами потому, что они действительно враги, – а не потому, что нам так сказали... Конечно, сейчас тоже полно всякого дерьма, но окунаться в старое никто не желает.

– И потому ты взял другое имя? – спросил кербер.

– Мне его дал Имхотеп. Это просто слово, поясняющее первую букву нукуманского алфавита. Помнишь поди – элф, нанга, боло... Не знаю, почему он меня так назвал. Мне было всё равно, потому что ко времени нашей встречи я своё настоящее имя уже забыл. Через год после Проникновения дядьку и мать растоптали пегасы. Я взял вилы и пошёл странствовать. Таскать мне их было тяжело, но и расставаться с ними не хотелось: они нас троих целый год кормили. Я не раз пробирался в города, заходил в Бродяжий лес, и успел немало повидать, пока Имхотеп меня не подобрал.

– А как... – начал было Тотигай, но я его оборвал:

– Заткнись. Я тебе всё, что знал, рассказал. А будешь много приставать – врежу по хрюкальнику.

Перевернув шампуры над огнём, я снова принялся за еду.

– Другие люди рассказывали то же самое, – удовлетворённо сказал Тотигай немного погодя.

– Тогда какого хрена ты меня пытаешь? – внешне равнодушно поинтересовался я.

– Чтобы знать наверняка, – ответил он. – Люди часто приукрашивают, выдумывают небылицы. Ты не таковой. Ты не врешь. За это тебя и уважают нукуманы.

Ага, счёл нужным напоследок сделать комплимент. Ну ладно. В конце концов, он ковыряет моё бывшее нечасто. Что при его любознательности просто героизм. Видно, просто у нас день сегодня такой – старательно наступаем друг дружке на больные мозоли. Сначала я ему, после похорон нукуманов, – ну а вот теперь он мне. А обычно мы о прошлом разговоров не ведем, и никто не ведет. Не нужно это, да и опасно. Можно так зацепить нечаянно одним лишь словом, что извиниться не успеешь, как тебя пропишут в царство мертвых. В кого ни ткни сейчас – у каждого за спиной такое... Люди после Проникновения пережили самый настоящий апокалипсис – хорошо если из нас остался жив один на тысячу. А у додхарцев, с яйцеголовыми-то по соседству, жизнь была богата событиями и без всяких апокалипсисов.

Кербер поднялся, покосился на меня одним глазом, и небрежно, как бы гуляючи, направился к мешку с мясом, но вдруг замер и прислушался.

– Что такое? – насторожился я.

– Всадники на Большой тропе, – сказал он. – Много...

Я перестал жевать и, конечно, тоже услышал.

Целыми отрядами верхом по мехрану ездили только яйцеголовые, нукуманы и умники из Субайхи, которые там, у себя, сумели создать небольшой конезавод. Кони были ещё у

фермеров, но фермеры на додхарскую сторону редко заезжают. Караванщики предпочитают верблюдов. Сводные бригады Старых территорий, когда выступают в поход против яйцеголовых, бывают большей частью пешими.

– Насколько много? – уточнил я, вслушиваясь в слабый, на самом пределе чувствительности, гул.

– Очень много, – ответил Тотигай. – Это не очередная экспедиция умников.

– Тогда нукуманы. Или отряд ибогалов. Посмотришь?

Кербер даже спорить не стал, хотя только что набил брюхо.

Он рысью добежал до прохода между валунов. Я пошёл следом. Выскочив наружу, Тотигай помчался по склону вниз, подпрыгнул, расправил крылья и пролетел до подножия следующего холма. Взбежал на его вершину, опять оттолкнулся и пропал в сумерках. Я помедлил и возвратился обратно в убежище. Ждать кербера обратно слишком быстро не стоило. Ему нужно добраться до скалы, с которой видна Большая тропа, оценить обстановку и вернуться.

Однако он отсутствовал очень уж долго, и к тому моменту, когда Тотигай наконец просунул нос в проход, я здорово беспокоился. Длинный додхарский вечер успел закончиться, и наступила ночь.

– Ибогалы, – сказал кербер подойдя к костру. – Вооружены до зубов. Двести пятьдесят отборных уродов.

– Сколько? – удивился я. Яйцеголовые после Проникно-

вения имели у себя не меньше неприятностей, чем мы, население у них тоже сильно поредело, и сотня воинов уже считалась армией.

– Сначала я смотрел со скалы, – сказал Тотигай. – Они торчали прямо у входа в лабиринт. Подумал, что они как-то узнали про наше укрытие здесь, и решил подкрасться поближе.

– Ну?

– Похоже, яйцеголовые просто совещались. Когда двинулись дальше, я был рядом и пошёл за ними. Они нашли могилу нукуманов. Я всё ждал, что эти сволочи повернут по нашим следам, но они двинулись дальше по Большой тропе в сторону гряды и вскоре стали лагерем.

– Мы не оставили заметных следов.

– Естественно, да и ночью им через лабиринт не пройти, но я хотел знать наверняка. И убедился, что ублюдки сделали из собственных наблюдений замечательно неправильные выводы.

Тотигай шлёпнулся перед костром и положил голову между передними лапами; но так ему было неудобно говорить, и он перевернулся на спину, разложив крылья по земле.

– Чего разлёгся? – прикрикнул я на него. – Здесь тебе соларий?

Тотигай чуть повернул голову и сморщил нос. Он был до крайности доволен.

– Творящий дела милосердия войдёт в Обитель Бога! –

насмешливо произнёс кербер. – Ты похоронил нукуманов по их обычаю, и это нам помогло. Яйцеголовые недоумки не без труда разобрались, что произошло. Они разрыли захоронение. Я смотрел и слушал. Картавое бормотание этих детей Нечистого Феха никто не может понять до конца, но кое-что мне узнать удалось. Ибогалы сумели разгадать произошедшее до нашего прихода – засаду и прочее. Но они уверены, что где-то рядом есть другие нукуманы. И ещё они говорили про Книгу. Я то и дело слышал «Ганум Зилар».

– Завтра они найдут своих у гряды.

– Ну и что? Там только винтовочные гильзы. Нукуманы как раз и обожают винтовки.

– Нашего костра снаружи не видно?

– Конечно нет. За пять шагов до прохода не поймёшь, что здесь кто-то ночует.

Я потянулся к рюкзаку, достал Книгу и задумчиво взвесил её в руке. В преданиях народов Додхара она называлась то Книгой Знаний, то Источником Силы, то ещё как-нибудь, а всего названий было больше тридцати, из чего напрашивался вывод: даже в древности никто не знал точно, что она такое. Предания были единодушны лишь в одном: если хочешь жить долго и счастливо, – или не слишком счастливо, но всё-таки жить, – Книгу лучше не трогать. А вот если тебе край как приспичило стать очень мудрым или получить власть над миром – ну, тогда другое дело.

На Земле похожие предметы были известны издавна. Они

почему-то всегда считались даром богов, но на самом деле приносили случайным владельцам одни неприятности. Неприятности могли быть мелкими или крупными, и чаще всего случались крупные; а тот, кто слишком настойчиво пытался проникнуть в тайну этих вещичек, мог совершенно твёрдо рассчитывать именно на неприятности второго рода.

В египетских мифах встречалось упоминание о ларце, в котором бог Ра держал несколько принадлежавших ему магических предметов. Когда к власти пришёл бог-царь Геб, то приказал принести ларец ему. Видно, Геб ничего не знал о Пандоре с её ящиком – если же знал, то не придал значения. Ларец вскрыли, после чего приближённые царя скончались на месте от «дыхания божественной змеи», а сам он серьёзно обгорел и погиб в муках.

У древних евреев имелся ковчег Завета, который, по-видимому, отличался от ларца бога Ра только размерами. В нём тоже хранились вещи, считавшиеся священными, и он тоже убивал тех, кто совал в него нос без надлежащей подготовки.

Стоило помнить и о том самом ящике Пандоры.

Подростком я провёл немало времени в библиотеке Имхотепа, а также в главном информхранилище Субайхи, которое частенько навещал, когда ещё общался с умниками. Умники искренне но тщетно пытались приобщить меня к систематическому образованию. Они всю цеплялись за созданную ими из кусочков разбитой цивилизации культуру, которая совершенно не годилась для Нового мира. За это,

да ещё за учительские замашки, их недолюбливали на Старых территориях; за это же в итоге их невзлюбил и я. Но набраться всякого от умников успел достаточно. Они предпочитали научную и узкоспециальную техническую литературу. Вся остальная занимала в хранилище скромный отдалённый уголок. Именно собранное на последнем стеллаже в этом уголке казалось мне наиболее интересным. Там, на страницах старых книг, авторы излагали свои, а также позаимствованные ими из мифов и преданий Земли, не согласующиеся с официальными научными взглядами идеи.

Среди прочего я наткнулся и на единственное упоминание о Книге в земной литературе. Автор описывал найденные археологами не то в Месопотамии, не то в Южной Америке барельефы – и на одном был изображён человек, державший в руках нечто, напоминавшее книгу с вложенным в неё кинжалом. Объяснить, что это за предмет, учёные не смогли, да и не очень старались. Автор же считал, что сей артефакт явно технического назначения и, возможно, внеземного производства.

Меня настолько поразило сходство предмета на иллюстрации с Ганум Зилар, что я тут же помчался в Харчевню и зарылся в свитки в библиотеке Имхотепа. А когда пришёл в Субайху в следующий раз, моего любимого стеллажа не существовало. На мой вопрос хранитель ответил, что всё его содержимое ликвидировано как антинаучное. И если уж мне хочется чего-то отвлечённого, то лучше почитать классику в

отделе художественной литературы.

А потом в Утопию принесли Книгу. Её доставила туда одна из совместных экспедиций умников, которая на пути к своим полисам остановилась в Харчевне. Умники не хвалятся своими находками, как некоторые трофейщики, но меня они знали. Я им попытался всё объяснить, но они только пожалели плечами, заявив, что забрали Книгу в одной из крепостей ибогалов, разгромленной нукуманами. Несомненно, сказали умники, вещь интересная, но при чём тут предания? Чаще всего это выдумки, а когда в преданиях всё же идёт речь о реальных вещах, обычно невозможно догадаться, о каких именно. Я что, хочу походить на тех глупцов, которые приклеили полевому стражу название «гибра» только потому, что это полуживое растение похоже на персонаж греческого мифа? Ты подумай, дорогой, – оно хотя бы действительно похоже?.. Вот и с твоим Ганумом Зиларом так же. «Книгой Знаний» можно что угодно назвать. А к земной археологии находка вообще не может иметь отношения.

Мне было трудно с ними спорить, тем более что я даже не мог припомнить, у какого именно автора прочёл о Книге. Заикнулся было о прошлом Проникновении, когда Книга могла попасть на Землю, но тут меня и вовсе подняли на смех. Прошрое Проникновение – ну как же. Оно всё спишет.

Я не на шутку обиделся и дал себе слово больше никогда не ходить в Субайху. Провались они все, вместе с их наукой... Субайха, впрочем, осталась стоять, а вот её отдалён-

ный выселок, небольшой полис Утопия, вскоре перестал подавать признаки жизни. Мы в Харчевне слышали, что спасательная команда из Субайхи, посланная на помощь своим, туда не прошла. Тогда в полис отправились четверо трофейщиков, надеясь пожить чем-нибудь интересным, но вернулся только один. Он рассказал, что в сорока километрах от Утопии начинается пустыня: деревья и кусты на месте, но стоят чёрные и стреляют синими молниями точно так же, как металлические предметы сразу после Проникновения.

А через неделю к нам вторглась целая орда яйцеголовых – штук триста, и двигались они прямо по направлению к этой пустыне. Мы уже собирали армию, но когда поняли, куда они идут, с радостью пропустили. Ибогалы не нападали на фермы, не занимались ловлей пленников, как обычно. Они прошли напрямую, остановились на самом краю пустыни, простояли там три дня и повернули обратно. Вся наша Старая территория взвыла от разочарования. Мы-то уже представляли себе, как их молниями прожарит. Уходили яйцеголовые тоже мирно – ну, и их не стали трогать. И только дней через тридцать выяснилось, что чёрная пустыня стала безопасна. И умники, и остальные рысью рванули в Утопию, пробираясь по местности, где деревья теперь рассыпались прахом при одном прикосновении. Умники, я думаю, к тому времени сообразили, что всё дело в Книге, – она погубила полис, и за ней же охотились ибогалы. Но Книги на месте уже не оказалось – яйцеголовые смогли её как-то обезвредить, по-

том послали гонцов и забрали с собой.

На том и кончилось. Умники назначили за Книгу награду в пять тысяч галет, да только все полагали, что долго им придётся искать дураков для охоты на безделушку, за которой ибогалы являются в таком количестве. Ко мне из Субайхи послали специальную делегацию, которую я, в свою очередь, от всей души послал к чёрту.

А теперь мне вдруг подумалось, что сегодняшние яйцеголовые, устроившие засаду на нукуманов, могли убегать не от них. Точнее – не только от них. Раз Книга для ибогалов такая ценность, тогда они могли её просто украсть у своих же, верно? И в таком случае ибогальская дружина, раскинувшая шатры неподалёку от нас, есть всего лишь погоня за нашкочившими соотечественниками.

Я поделился своими мыслями с Тотигаем.

– Какая разница? – ответил он. – Вот доберёмся до Харчевни, отдохнём и двинем в Субайху. Пять тысяч галет...

Он облизнулся, и я понял, что кербер уже воображает, как мы без конца пируем у Имхотепа, или здесь, у Каменных Лбов, или в любом другом укромном местечке. С такой горой жратвы жизнь ему должна представляться раем посреди Земли и Додхара.

А я всё гадал, что умники сотворили с Книгой в прошлый раз и для чего её используют яйцеголовые.

– А ну-ка, принеси мне один из разрядников, – сказал я наконец.

– Зачем ещё? – удивился Тотигай.

– Тащи без разговоров.

Он принёс, и я принялся эту штуку рассматривать. Странное оружие, честно. И ремень будто бы из него растёт... Внизу, между рукояткой и цевьём был выступ, напоминавший несъёмный магазин, только шире. Я помнил, что однажды, добыв такой же разрядник, случайно взялся за этот выступ и обнаружил отверстие, закрытое круглой плавающей пластиной.

Перевернув ибогальскую стрелялку, я внимательно осмотрел подозрительное место. Ну да, вот он, небольшой кружок – словно маленький люк. Совсем незаметен, даже тонкого шва между ним и корпусом нет, но при нажатии легко уходит вглубь. Диаметр отверстия примерно такой, как у «рукояти кинжала», что торчит из Книги. Я стал давить рядом и нашёл впереди и сзади круглой дверцы ещё две продолговатых. В самый раз для «перекрестья кинжала». Ну, думаю...

Тотигай, следивший за моими манипуляциями, поглядел на меня озабоченно. Точнее – с испугом, но он ведь ничего не боится... Или, я бы сказал, не боялся до этой минуты. Когда я повернул разрядник боком у себя на коленях и взял в одну руку Книгу, он испугался.

– Эй, слушай, не надо! – проскулил он неожиданным фальцетом взамен своего хриплого баритона. – Это плохая затея! Вспомни, что случилось с Утопией!

Я задумчиво надавил на все дверцы тремя пальцами сразу. Отпустил и снова надавил.

– Вот, значит, чем ибогалы заряжают свои пушки, – сказал я. – То-то мне странным казалось, что «рукоять кинжала» больше всего напоминает штекер. Смотри – круглая, гладкая, а набалдашник хоть и отделён от неё бороздкой, но того же диаметра. Тогда перекрестье должно служить в качестве стопора, чтобы штекер не выскакивал. А я ещё раньше думал, что это за ручка? Книгу за неё носить неудобно, разве что взять и шарахнуть кого по голове.

– Всегда знал, что твоя дружба с умниками не доведёт нас до добра, – пробурчал Тотигай. – Мне даже не надо глаза прикрывать. Я и с открытыми вижу, как такой же идиот в Утопии разглядывает разрядник, а потом втыкает в него эту хреновину.

– Глупости, – сказал я. – Ничего подобного не было. Умники, наверно, пытались Книгу разобрать – посмотреть, как устроена... Яйцеголовые – не самоубийцы. Смотри сам – отверстия и штекер точно соответствуют, случайностью тут не пахнет. И не возводи на меня напраслину. С умниками я больше не якшаюсь.

– Не буду возводить. Только положи Книгу и разрядник подальше друг от друга. Проверишь свою догадку, когда меня не будет рядом. Вот уйду на Брачные бои...

Устраивать эксперименты с прибором, способным уничтожить всё живое в радиусе сорока километров, мне хоте-

лось не больше чем Тотигаю. Но я не мог успокоиться – так и эдак вертел Книгу в руках, и разные беспокойные мыслишки лезли мне в голову. Если я не ошибся (а я был уверен, что не ошибся), на месте одного вопроса – для чего нужна Книга – возникало сразу несколько. Если это всего-навсего источник энергии, то почему ибогалы так о ней беспокоятся?

Если Книга – всего лишь аккумулятор или портативная зарядная станция для ихних пукалок, они не должны её так ценить. Таких штуквин должно быть много, и одну из них, на месте ибогалов, я после катастрофы в Утопии подбросил бы в Субайху, чтоб и тамошние умники тоже накрылись ва-режкой.

Аккумулятор, даже невероятно ёмкий, не стоил усилий, приложенных яйцеголовыми для возвращения его из мёртвой Утопии. Мы вполне могли перебить их на обратном пути. А коробочка-то после устроенного с её помощью свето-преставления должна была оказаться пуста... И – кстати! – как там вообще помещалось столько энергии? Для того, чтоб так выжечь местность обычными средствами, потребовалось бы несколько ядерных бомб.

Дальше: никакие известные приспособления ибогалов никогда не нуждались в зарядных устройствах, используя солнечную энергию, набирая нужные вещества из почвы и расщепляя на составляющие сам воздух. Любая вещь у ибогалов сама себе зарядное устройство.

И уж очень не похожа Книга на другие продукты ибогаль-

ских технологий. Скорее – на изделие земной промышленности. Неужели это мы изобрели что-то такое перед Проникновением, а ибогалы теперь заполучили? Но легендам о Ганум Зилар тысячелетия. Их никак не могли сложить заранее...

Невесть зачем, может, от безысходности, я постарался припомнить все названия Книги. Вдруг в них отгадка? «Источник Силы» – ну, с этим понятно. Что касается знаний, то ими пока и не пахло. А как Ганум Зилар именовали в Своде Кийнака?.. Во, вспомнил – «Животворящий Родник»! Ну нихрена себе...

Мысленно махнув рукой, я отложил Книгу, подбросил в костёр дров и дожарил оставшееся мясо, попутно прихватывая то один кусок поаппетитнее, то другой. Я умею есть про запас точно так же, как верблюд – пить. Хотя, само собой понятно, пить про запас я умею тоже. И спать. На Додхаре не очень-то выспишься, если рядом нет Тотигая, а он бывал рядом не всегда.

Конина после долгой варки, да ещё после обжаривания, получалась суховатой, и я то и дело зачерпывал горькой додхарской водицы из бочажка перед родником. Та-а-ак, Имхотепа я о Книге попробую расспросить. А ещё кто и что мне может рассказать полезное? Из полусотни нукуманов, раздолбавших ту крепость яйцеголовых, на сегодня осталось в живых не более десятка, и среди них – Орекс. Из экспедиции умников, добывших Книгу, уцелел Генка Ждан, кото-

рый незадолго перед катастрофой окончательно раплевался с Колпинским и перестал ходить в Утопию...

С готовкой я покончил не скоро и лёг спать позже, чем рассчитывал. Едва устроился на охапке сухой травы и укрылся одеялом, как взошла Луна. В отличие от людей, которые уже были взрослыми в начале Проникновения, а затем всю жизнь или большую её часть проводили на Старых территориях, я никогда не чувствовал особой разницы между мехраном и нашими земными местами. И здесь и там я как дома. Может, потому, что мехран и стал моим домом с детства, а может, дело в Луне.

Она у нас одинаковая, из какого мира на неё ни смотри, а в чём тут дело, никто не смог объяснить. Умники её всю обшарили с помощью своих телескопов, но разницы не обнаружили.

Один из них думал-думал, да и спятил на этом. Солнца-то у Додхара и Земли разные, а вот материки похожи. Парень состряпал теорию, которая, как ему казалось, всё красиво объясняла. Но Луна в неё не лезла – она его и доконала.

Потом он долго шлялся по нашей Старой территории в длинном белом балахоне, напоминающем женскую ночную рубашку, и внушал каждому встречному, что никакого Обруча миров не существует, а Додхар – это та же Земля, только в будущем, через миллионы лет. Планета, мол, к тому времени приблизилась к Солнцу, которое, в свою очередь, вступило в следующую стадию развития. Растительность мутиро-

вала, и животные с людьми тоже. Потом случился хроновыверт, и время загнуло петлёй обратно, присобачив будущее Земли к её настоящему. Вот почему, говорил умник, рельеф додхарских кусков суши во многом совпадает с бывшими на их месте земными, а между зонами разных миров почти нет перепадов на Границах Соприкосновения. Кое-где горы разрушились и стали ниже, кое-где в результате извержений появились новые хребты, а на месте земных рек и озёр на Додхаре в основном сухие русла и мёртвые долины. Кардинальных же отличий, мол, не наблюдается.

О Луне, которая за прошедшие миллионы лет должна была заметно отдалиться от Додхароземли, сумасшедший теоретик не упоминал. Но знали о таких тонкостях только другие умники, – а общения с ними он избегал тщательнейшим образом. Всё остальное у него, вроде, сходилось, и народ его слушал с охотой, попутно подкармливая кто чем мог, пока он не заявил, что яйцеголовые, согласно его учению, далёкие потомки землян. Зря он такое сказал. Фермеры и трофейщики сами не скоро бы сообразили, что одно из другого прямо вытекает. Обступили они бедолагу, и спрашивают: что же, по-твоему выходит, мы сами породили ту мразь, что нас в последние годы долбит? А он разулыбался, дурень несчастный, чуть в ладоши не хлопнул. Правильно, говорит, так и есть, молодцы вы! У вас, говорит, по-настоящему научный склад ума! Рассмотрите внимательно, и вы увидите чудесную работу возвратного механизма, приведённого в дей-

ствие дерзкой рукою человека! Возможность возникновения хронопетли предусмотрела саморазвивающаяся Вселенная, а мы, люди, предприняв переселение на Парадиз...

Договорить ему не дали, скрутили верёвками, уволокли подальше в мехран и посадили на ящик с динамитом, предварительно засунув между шашками фитиль. Вот тебе, говорят, превосходный возвратный механизм, который сейчас перенесёт тебя к твоим яйцеголовым родственникам. Мы тут пораскинули своим научным складом и решили немедленно привести его в действие. Мы, говорят, сейчас организуем тебе такой хреновыверт, что мало не покажется. Отправляйся-ка, милый, в своё будущее, проверь всё ещё раз как следует, а то вдруг ты неправильно что понял и наделал ошибок в своей теории...

Оно понятно, погорячились ребята. Зря они его так. Ведь даже простой осмотр издалека некоторых додхарских достопримечательностей может запросто повредить крышу неподготовленному человеку. Разных сумасшедших сейчас повсюду полно – на всех взрывчатки не хватит. А уж веруны расплодилось неимоверно, и каждая секта уверяет, что именно их бог наказал людей за грехи Проникновением. Поэтому те, кто хочет остаться в здравом уме, или вообще ничем не забивают голову, или принимают учение нукуманов про Великий Обруч. С его помощью можно что угодно объяснить, в том числе и земную Луну над Додхаром. Лично мне нукуманские сказки очень даже нравятся.

Конечно, я не противник науки. Да только не нужна она мне в том виде, в котором её преподносят умники. И никому не нужна. Так они, чего доброго, до уровня ибогалов докажутся. Те вон как наукой увлекались, и тоже когда-то хотели превратить свой Додхар в цветущий рай... И даже временно превратили. Но по пути к этому счастью сами превратились в такое, что по сравнению с ихней цивилизацией гитлеровская Германия показалась бы рассадником гуманизма, пацифизма и толерантности...

На этой мысли я и заснул.

Глава 6

Мне снился удивительный сон – чудной, но интересный. Я видел, будто бы сплю здесь, в убежище среди камней-монахов, но видел всё как-то сверху. Костёр еле тлел, а я лежал, завернувшись в одеяло. Рядом со мной словно бросили без присмотра заведённый трактор – это храпел ТотигаЙ. Над Каменными Лбами почему-то было земное небо с земными звёздами, а не додхарское, где созвездия перекошены; но я ничуть не удивился такому несоответствию, как и издаваемым Тотигаем звукам, хотя так храпеть он позволяет себе только тогда, когда дрыхнет за несокрушимыми стенами Харчевни Имхотепа.

Моё тело лежало внизу, а душа смотрела на него сверху, пристроившись на верхушке одного из валунов. Я испугался, что тело, чего доброго, может помереть, оставшись без души, и, растянувшись тонкой струйкой, скользнул вниз, тут же проснувшись.

Приподнялся на локте, огляделся, проверил лежавшую рядом винтовку, проверил пистолет. Хотел пнуть кербера, чтобы прервать тракторную серенаду, но он лежал далеко-далеко. Пока я спал, нагретый за день мехран остыл, воздух по-свежел. Одеяло сползло вбок, я поёжился и...

И ощутил на лице и руках холодные мягкие покалывания. Шёл снег.

Снежинки падали на кожу, превращаясь в капли воды. Не какая-нибудь там крупа, которая изредка выпадает ночью в мехране, чтобы растаять к утру, – настоящие снежные хлопья, и они летели всё гуще. Последний раз я видел такой снег на Новый год ещё до Проникновения, когда мне исполнилось пять; мы тогда нарядили ёлку прямо на улице, во дворе своего дома, и в полночь мама зажгла бенгальские огни...

Я никак не мог прийти в себя от нереальности происходящего. Это было как в сказке! Вдруг сверху послышался шорох крыльев – больших мягких крыльев, и снежинки закрутились белоснежным водоворотом. На верхушку валуна, туда, где во сне сидела моя душа, опустилась крылатая девушка. Я откинул одеяло, схватился было за пистолет, да так и замер с ним в руке и с отвисшей челюстью. Всякого навидался после Проникновения, но такое...

– Ты слишком долго странствовал, Элф, – сказала девушка ласково и чуть печально. – И ты так долго спал, что Проникновению пришёл конец.

Женщин я не видел уже больше недели – с того самого дня, как вышел из Харчевни направляясь в город, – а таких вообще никогда не видел. Она была, быть может, даже красивее Лики, и уж точно красивее проституток из Харчевни. И крылья! Белые, как её кожа, как падающий сверху снег, как её волосы; не голые и перепончатые, как у додхарских зверюг, но покрытые перьями, как у птицы... или у ангела.

– Я и не знал, что на Додхаре водится такое чудо, – неволь-

но сказал я вслух.

Девушка улыбнулась.

– Ты нас не встречал, но нас здесь много. Пойдём со мной, я покажу тебе, где я живу. Пойдём, не бойся, я люблю тебя! Я буду твоей, если захочешь, и ты забудешь все свои беды, и смерть родителей, и Проникновение, и ничто на свете не будет тебя беспокоить! Оставь своё оружие и вещи – нам ничего не понадобится...

Вот это уже слегка походило на разговор шлюх из Харчевни – они тоже уверяли, будто я обо всём забуду рядом с ними. Правда, они пели не так сладко, выражались откровеннее, и обычно им бывало что-то нужно от меня – галеты, шмотки или ещё что-нибудь; и, естественно, у них не было крыльев. А что может хотеть девушка из сказки?

Она расправила эти крылья, взмахнула ими и легко спорхнула вниз, встав рядом со мной. Я ощутил на лице касание прохладного ветра, и снова закружились снежинки. Они оседали на отброшенное в сторону одеяло, мою одежду и волосы девушки; и я поднялся, потому что неловко стало лежать в присутствии такой красавицы; и она положила мне на плечи тонкие белые руки и говорила такие слова, которых я никогда в жизни не слышал; и я заметил, что всё ещё сжимаю в руке пистолет, а большой палец привычно пытается снять предохранитель...

Только тут до меня и дошло, что происходит.

Лицо девушки стало прозрачным и поплыло, превраща-

ясь в невыносимо уродливую морду. Снег пропал, на небе Додхара сияла полная Луна. Тотигай, выпустив когти и хрипло рыча, раз за разом бросался на скалу, со скрежетом съезжая вниз, а на её верхушке сидела чёрная сгорбленная тварь, быстро бормочущая себе под нос что-то вроде: «Эники-беники ели вареники, эники-беники ели вареники...» Сброшенное мною одеяло валялось почти в самом костре. Я стоял, по-бычьи нагнув голову и широко расставив ноги, безуспешно пытаюсь поднять руку с пистолетом, который стал тяжёлым как наковальня, но тут кербер в очередной раз рыкнул: «Стреляй же, Элф, дьявол тебя раздери!..» – и я, не в силах поднять оружие, вывернул кисть и дважды выстрелил от бедра.

Тяжёлые пули с надпиленными кончиками снесли бормотуна со скалы так легко, словно в него с размаху двинули бревном. Тотигай бросился в проход между валунами и выскочил наружу. Я, преодолевая сопротивление окаменевшего тела, последовал за ним, с трудом переставляя негнущиеся ноги. Бормотун ещё бился, истекая кровью сразу из двух ран – одна была в груди, а другая в животе. Тотигай прижал его крылья к земле, давая мне возможность спокойно добить упыря.

– Бобел будет рад, когда узнает, – сказал я, приставляя дуло к голове уродца и нажимая на спуск. Грохнул выстрел, и бормотун под лапами кербера перестал дёргаться.

– Я уж думал, ты не проснёшься, – проворчал Тотигай,

когда мы вернулись в своё убежище. – Трепал тебя, трепал...
А ты – никак...

Трепал он меня усердно. Жилет и рубашка на левом плече были разорваны, и мне пришлось сунуть под одежду сухой травы, чтобы остановить кровь, тонкими струйками вытекавшую из ранок от его зубов.

– Перестарался ты, брат, – сказал я ему. – Почему было совсем не откусить мне руку?

– Я?.. Перестарался?!.. – возмутился кербер. – Видел бы ты себя пять минут назад! Ещё немного – и он точно увёл бы тебя. И тащился бы ты через мехран до самого Бродяжьего леса, воображая себя в раю.

– Но ты же не дал бы ему меня увести, верно?

– Конечно нет, – буркнул кербер. – Я лучше тебе голову отгрызу. Ты сам говорил, что предпочтёшь это.

– Ну, жить потом как безмозглая скотина, бродя на четвереньках под деревьями и подбирая палые почки, – это не здорово, хотя я уже ничего и не соображал бы... Откуда он тут взялся, хотел бы я знать? Всегда считалось, что бормотуны так далеко от своих гнёзд не залетают.

– Теперь, значит, залетают, – ответил Тотигай, укладываясь на подстилку. – Люди заходят в Бродяжий лес всё реже, так? Так. Те, кто заходит, о бормотунах давно знают? Знают. Пополнять свои стада упырям надо? Надо... Погоди, ещё и на Старые территории начнут залетать.

– Не каркай, ворона, – накаркаешь. Фермерам нашим то-

гда конец. Да и не только фермерам. Всех забормочут и уведут пасться на травку.

Я почувствовал, что снова разыгрался аппетит, и сжевал несколько кусков мяса, не забыв прежде дозарядить пистолет. Вдруг бормотун был здесь не один? Хотя они обычно летают по одному.

– Он, поди, тоже голодный был, – задумчиво сказал Тотигай, глядя, как я ем. – Хотел тебя облизать, а тут я внизу торчал.

– Хрен бы он меня облизал, – ответил я. – Мне только почувствовать его поганый язык на своей коже, и тогда...

– Знаю, знаю, трофейщик, крепок ты, – согласился кербер. – Крепче я и не видел. Наверно, действительно зря я тебя тормозил. Проснулся бы сам в конце концов.

– Будешь должен, – сказал я, выкидывая траву из-под рубашки. Всё-таки Тотигай кусал меня не по-настоящему, ранки были крохотные и успели засохнуть.

– И откуда у тебя иммунитет к их ворожбе? – спросил кербер.

– А я знаю? – пожал плечами я. – И не у меня же одного иммунитет. Генка называл это... дай вспомнить... повышенной устойчивостью к внушению, и уверял, что у меня она какая-то патологическая. С одной стороны, говорил он, это хорошо, поскольку исключает постороннее негативное влияние на психику. А с другой стороны, это, дескать, плохо, поскольку из меня никогда ничего путного не выйдет. Чело-

век, вроде, учится всему на свете именно через внушение или – как оно называется? – суггестивное воздействие. Маленькие дети, говорил он, сильно ему подвержены, потому и усваивают информацию в четыре раза быстрее взрослых – они воспринимают новые знания некритически. Потом, по мере приобретения личного опыта, у людей образуется критический барьер. Мозг тратит три четверти времени, чтобы определить, не враньё ли то, что в него пытаются вложить другие люди, и только одну четверть – на усвоение информации.

– А у тебя барьер от рождения? – заинтересовался Тотигай.

– Вряд ли. Генка – умник, вот он и умничает слишком много. А сам обычный недоучка, как и половина его собратьев. Его бы выгнать семилетним пацаном в мехран одного, потаскался бы голодным с вилами на плече и опасной бритвой в кармане среди пегасов, драконов и бормотунов, каждую секунду ожидая... У него бы тоже возник барьер приличной высоты. И теперь он, глядишь, придумал бы способ, как простым людям обороняться от этих суггестирующих губошлёпов.

Я зло плюнул далеко в сторону – в том направлении, где за камнями лежал мёртвый упырь. Встречался я с ними и раньше. Первый раз вплотную столкнулся, правда, не в семь, а в двенадцать, но мои воспоминания из-за такой отсрочки лучше не стали. Забрёл я тогда в Бродяжий лес и прилёг вздрем-

нуть под деревом. Очнулся оттого, что гад меня облизывал, – я был весь в его слюнях, а он приложился к шее прямо-таки взасос. Бормотуны людей есть не могут по тем же причинам, по которым люди не едят сырым мясо додхарских животных. Кровь нашу пить тоже не могут, а яйцеголовые, когда их отлавливают, ещё усиливают это качество, чтобы, значит, бормотуны им не портили материал, то есть нас. До предела голодный упырь разве что полстакана крови высосет, прежде чем его вывернет наизнанку. Но инстинкт-то у них остаётся. Вот и не в состоянии они сдержаться – забормочут кого новенького, доведут до неподвижности, и облизывают, а язык у них круглый, длинный как змея и прочный как удавка. В такие моменты они совсем теряют над собой контроль – продолжают свою ворожбу, но уже как бы для себя, и сами от неё дуреют. Тогда человек может проснуться. Ну, те, которые у бормотуна давно в стаде, они, конечно, не просыпаются. А я проснулся.

Надо было сразу свернуть упырю башку, но что я тогда знал? Да и перепугался ведь – стал его отталкивать, бить по роже, а потом упёрся спиной в ствол дерева и пнул обеими ногами. Бормотун пришёл в себя, озверел, забыл всё, чему его научили яйцеголовые хозяева, и бросился на меня. У этих сволочей когти и зубы не хуже чем у керберов, но главное оружие – хвост. Длинный, мускулистый – они им за ветки цепляются и спят вниз головой. На конце пика костяная, что твоё копьё. Схватить-то я бормотуна схватил, стараюсь

рожу с оскаленной пастью отпихнуть подальше, а он орёт, молотит меня крыльями, когтями ободрал чуть не до костей. И всё долбит в ствол вокруг моей головы своей пикой, так что я еле успеваю уворачиваться. Один раз долбанул с такой силой, что от ствола откололась щепка длиной в мою руку и шириной в целую четверть. Тогда я схватил этот кусок, примерился – и по башке его...

Тряхнув головой, я постарался отогнать всплывшую в памяти картину. В конце концов, бормотуны ещё не самое худшее, что может с человеком случиться. Главное то, для чего упыри собирают свои стада. В природе они собирают их из крылатых додхарских мартышек, чтобы имелась жратва на чёрный день, когда на охоте не повезло. Обычно кровь сосут, но, бывает, и слопают какую обезьянку целиком. А твари, переделанные яйцеголовыми, собирают человеческие стада для яйцеголовых. Те потом приходят и берут кого и сколько надо. Всё просто.

И та неувязка, что не на всех действует ворожба бормотунов, разрешается тоже просто. Имхотеп рассказывал, что в предыдущее Проникновение ибогалы выводили новые породы бормотунов уже из людей. Получались всякие русалки там, нимфы и прочие наяды. Они и завлекали разными способами уже любого, кто заходил в заселённые ими леса. С додхарскими мастерами промывки мозгов их было не сравнить, но зато они обладали куда большей внешней привлекательностью. Жили они подолгу, часто дичали и продолжа-

ли свой промысел просто так, без всякой цели, а когда Проникновение завершилось, постепенно все вымерли. Похоже, что теперь всё начинается сызнова. В Бродяжьем лесу нимф и русалок уже полно, и вскоре они начнут перебираться на Землю. И кто знает, какую ещё нечисть придумают ибогалы на наши головы...

Я зевнул и посмотрел на Тотигая. Он не спал, и его глаза поблёскивали в темноте.

– Яйцеголовые на тропе слышали выстрелы, – сказал я ему. – Отдохнём ещё немного, а потом надо уходить. Разбуди меня на рассвете. Впотьмах ибогалы вряд ли сунутся с Большой тропы в лавовые поля, и точно не найдут Каменные Лбы раньше чем через четыре часа. Как раз успеем.

– Зря ты не отрубил бормотуну хвост, – сказал кербер. – Бобел был бы рад.

– Ах правда, забыл. Ну не беда, завтра отрублю.

Послушав напоследок ночь, я накрылся одеялом. Показалось, что не успел закрыть глаза, как уже снова их открыл. Звёзды потускнели. Вокруг, вместо ночной темноты, серел предрассветный сумрак. Надо мной, занеся лапу, стоял Тотигай. Вот так я просыпаюсь, когда рядом нет бормотуна.

– Интересно, смогу ли я когда-нибудь разбудить тебя по-настоящему, – пробурчал кербер.

– Обойдётся, – сказал я. – А если сможешь, то это будет означать, что мне пора на покой. Подамся в фермеры и начну ковыряться в земле. Всё лучше, чем подохнуть в мехране с

перекушенным горлом.

Я быстро скатал одеяло и собрал рюкзак. Последней, как и вчера, положил Книгу. Бросить бы её здесь, хреновину ибогальскую, или подкинуть на Большую тропу законным владельцам – пусть подавятся. Но я понимал, что не отдам Книгу яйцеголовым уже просто потому, что она им нужна. Понимал я и то, что столь ценная для ибогалов штука весьма опасна для её временного владельца – даже если позабыть о её собственных смертоносных свойствах. Надо получше пугать следы до Харчевни. Как бы не привести отряд туда...

Только кажется, что лавовые поля состоят из одного камня, а на самом деле здесь две составляющих – камни и пыль. Ветер без конца гоняет эту пыль с места на место, обновляя тончайший, всё покрывающий слой, и опытный глаз всегда отличит свежие следы от старых, полустёртых. И на самом камне остаются следы – царапины от шипов на ботинках и звериных когтей, выбоины от лошадиных подков. По таким приметам хороший следопыт дойдёт хоть до Харчевни, хоть куда захочет, и иллюзий по этому поводу я не питал.

Спрятав в тайник всё, что оставляли на месте, мы быстро и плотно закусили хорошими порциями нукуманского коня, и я закинул полегчавший рюкзак за спину. Снаружи пришлось ещё на полминуты задержаться, чтобы срезать костяную пику с хвоста убитого ночью упыря, – в подарок Бобелу. Он из них делает наконечники для дротиков, и для него нет большего удовольствия, чем проткнуть живого бормотуна

таким дротиком. Если бы мне было нужно так мало для счастья, я бы всё бросил и поселился в Бродяжьем лесу. Но Бобел считает, что ему станет скучно жить без нас с Тотигаем. Нынешнюю экспедицию он пропустил, поскольку заработал несколько дырок в шкуре во время предыдущей. Сперва валялся у Имхотепа, а когда полегчало, перебрался на ферму к Лике. Пока мы ходили в город, Бобел в меру сил помогал ей по хозяйству.

Через час после выхода мы сделали привал, и Тотигай налегке смотался назад, к одной из высоток, с которых видно Большую тропу. Без груза и в одиночку он бегаёт быстро, но всё равно мы потеряли на его разведке около часа. Однако знать намерения ибогалов было необходимо. Чего доброго, пошлют отряд нам в обход... Но Тотигай, вернувшись, принёс успокаивающие новости:

– Яйцеголовые стоят на месте. Часть этих ублюдков ушла дальше по тропе – туда, где мы грохнули гидру. Сорок всадников на кентаврах и два десятка пеших пытаются разобраться в лабиринте у Каменных Лбов.

– Мало пустили, – сказал я. – Долго провозятся.

Мы тронулись. Я заметил, что Тотигай тащит свои тюки веселее, чем вчера, даже с охотой. Он понимал, что нам лучше поспешить. Ибогалы не такие тупицы, какими кажутся, хотя лучше бы они были тупицами.

Погода начала портиться почти сразу после того, как над горизонтом всплыл красный диск додхарского солнца. Небо

затянуло тучами, но в сплошной пелене то и дело появлялись разрывы, через которые проникали солнечные лучи. Вдалеке сердито гроыхало. Иногда налетал внезапными порывами ветер, закручивая то тут, то там стремительные пыльные смерчи.

– Не время для похода, – ворчал Тотигай, ускоряя шаг. – Сегодня будут хекату – клянусь моими молочными когтями.

Я отмалчивался, чтобы не нагнетать. Когда кербер в зрелом возрасте поминает свои молочные когти, это означает, что нервы у него на пределе.

Если на Земле во время грозы торнадо скорее исключение, чем правило, то на Додхаре – наоборот. Они появляются всегда внезапно и также внезапно рассеиваются, обрушивая вниз тонны поднятых ранее камней и настоящие ливни из песчинок. Но вернуться назад к Каменным Лбам и спрятаться в своём подземном тайнике мы никак не могли. А здесь надёжных убежищ не было до самой пирамиды.

Лавовые поля закончились, оборвавшись неровным уступом в поросшую жёсткой травой равнину. Деревьев на ней почти не было, только кое-где торчали редкие невысокие скалы на обширных каменных проплешинах. Никакого движения, разве что заскучавший сидеть на месте додхарский саксаул, выдрав из земли длиннющие корни и свернув их тугими спиралями, начинал медленное и печальное путешествие в поисках более плодородного клочка мехрана. Иногда принимался сыпать редкий крупный дождь. Идти ста-

ло труднее: ноги, привыкшие к передвижению по твёрдой поверхности окаменевшей лавы, не сразу приспособились к новой обстановке. Под подошвами ботинок похрустывал песок. С кустиков травы срывались облачка красноватой пыли.

– Того и гляди налетит, – бормотал Тотигай, и я разделял его опасения.

Керберы, они хоть и с крыльями, не очень-то любят летать не по своей воле, а я и подавно. Однако пока нам везло. Одинокий хекату неторопливо брёл слева в мехране, у самого горизонта, двигаясь параллельно нашему курсу, и никуда не собирался поворачивать. Если пойдёт так дальше, обязательно выскочит на Старую территорию. Когда я ещё ходил в Субайху, то слышал разговоры умников о том, что торнадо на Земле, как и хекату на Додхаре, могли возникать вследствие непрямого взаимодействия атмосфер двух параллельных миров. Не могу сказать, насколько они правы, и как оно бывало раньше, но сейчас-то взаимодействие обычно становилось самым что ни на есть прямым. И у нас, где до Проникновения ни о каких торнадо отродясь не слыхивали, не одна ферма оказалась разрушена, не одно поле засыпано песком и не один караван размётан и поднят в воздух невесть откуда взявшимися смерчами.

Пока что меня и Тотигая всего лишь слегка припорошило пылью да несколько раз сбрызнуло дождиком, но долго так продолжаться не могло. И вот справа от нас, в нескольких километрах, от облаков к земле протянулась воронка, словно

великан запустил еле видимый воздушный волчок. Остриё воронки воткнулось в мехран, тут же подняв вокруг вихрящиеся клубы песка, а толстый пыльный столб полез вверх, разворачиваясь чудовищным зонтиком. Тучи над этим местом двинулись по кругу, как будто решили прокатиться на медленной небесной карусели, потом раздались в стороны и начали сливаться в кольцо.

– Чёрт бы побрал ваш Додхар, – сказал я.

Тотигай косо взглянул на меня, ничего не ответил, лишь ещё прибавил скорости. Я и сам уже почти бежал. Только куда? От хекату не убежишь.

Пирамида была где-то совсем рядом, но я не видел во внезапно потемневшем воздухе ни её, ни приметную группу скал, которая служила ориентиром и должна была находиться двумя километрами ближе, чуть в стороне от нашего пути. Где же она? Мы могли бы там укрыться. Пригодной пещеры среди тех скал нет, по крайней мере такой, откуда нас не высосал бы смерч, – но хоть слабая надежда... Ещё лучше успеть добраться до пирамиды. Там мы были бы в полной безопасности.

В небе блеснула молния, и гром грянул так, будто прямо над нашими головами взорвали миллион динамитных шашек. Сразу следом ещё один раскат... Дождь то начинался, то прекращался, а молнии сверкали всё чаще, и мы совсем оглохли. Тотигай тоскливо подвывал себе под нос, шаря безумным взглядом по сторонам, однако с курса не сошёл.

Молодец. Или я молодец, что потратил немало времени, пытаясь отучить его от страха перед грозой. Все животные Додхара, да и разумные тоже, боятся грома и молний прямо до одури – стоит бабахнуть сверху, и они готовы мчаться куда попало вытаращив глаза. Им срочно надо забиться куда-нибудь или хотя бы голову спрятать. Наши веруны потирают руки по этому поводу и удовлетворённо повторяют, что так и должно быть, – нечисть из преисподней и всякие порождения дьявола обязаны страшиться божьего гнева. А умники утверждают, что просто работает инстинкт, – ведь оказаться в мехране на пути хекату равносильно смерти, если нет убежища. И даже если смерч внезапно рассеется, можно погибнуть от камнепада.

У нас убежища не имелось, и мы как раз шли по такому месту, где находиться не следовало. Хекату полз к нам, полз медленно, но я не обманывался. Ленивым он казался только на расстоянии.

– Бросай тюки и дуй к пирамиде, – сказал я Тотигаю сквозь зубы. – Если Бобел уже там...

– Её и не видно!

– А крылья для чего тебе? Махни пару раз, напрягись! Может, сверху увидишь. Да ты и просто так сумеешь оторваться, если не найдёшь пирамиду.

– Не трави душу, – проскулил кербер. – И без того невыносимо.

Надо же, он не хотел меня бросать. А зря. Чего ради, спра-

шивается, подышать вдвоём?

Хекату был уже близко – не далее трёх километров. Разве это дистанция, если он сам полкилометра в поперечнике?.. Дождь совсем перестал, зато усилился ветер. Я уже подумывал бросить рюкзак и попробовать потягаться с кербером в скорости, как до нас донёсся топот.

Я остановился и обернулся. ТотигаЙ сделал петлю в невысокой редкой траве и замер рядом со мной.

Прямо на нас шёл смерч, и вверху, по раздутому обручу его воронки проскакивали короткие молнии, а внизу перед ним, расправив крылья, длинными прыжками летело по мехрану стадо пегасов. Они нас заметили, и сквозь раскаты грома донеслось их дикое ржание, больше похожее на рёв почуявших добычу хищников.

Стадо несло широко развернувшись в стороны – позади кобылы с потомством, впереди вожак. Они уходили от смерча, упиваясь своей быстротой, своей мощью, своей яростью; выискивая налитыми кровью глазами любое животное, не успевшее спрятаться; готовясь налететь, сбить с ног, втоптать в песок и камни.

Пегасы так же сходили с ума от грозы, как и все остальные, но по-другому. Они пьянели – хекату придавал им силы. И если оказавшийся поблизости зверь сумел бы убежать от смерча, от крылатых лошадей ему было не уйти.

Я сбросил с плеч рюкзак и положил рядом винтовку. Хорошая винтовка, но у неё магазин всего на десять патронов.

И зачем корчить из себя снайпера, если в нашем распоряжении было оружие помощнее, куда более подходящее к случаю? Тотигай освободился от тюков, и я начал развязывать один из них. Ржание раздалось ближе, и когда я выпрямился с ибогальским разрядником в руках, вожак был передо мной. Прицелившись прямо в раздутые ноздри и выпученные глаза, я нажал на спуск. Пегас с невероятной ловкостью сложил крылья и нырнул под выстрел. Я пальнул вторично, а он взял вправо, издав злой визг, который тут же покрыл удар грома. Рядом Тотигай поспешно рвал зубами завязки на втором тюке.

– Готово, Элф! – неразборчиво прорычал он, и я почувствовал, как мне что-то ткнулось в бок.

Кербер держал другой разрядник пастью за дуло, и когда я взялся за рукоятку, зажим сам защёлкнулся на моём предплечье. Резко дёрнув кистью правой руки, я заставил сработать и зажим первого разрядника. Теперь выбить у меня оружие оказалось бы невозможно, я словно сросся с ним.

Вожак меж тем свернул в сторону, освобождая дорогу стаду и собираясь зайти нам в тыл. Я выстрелил почти не целясь, и всё же подпалил ему бок. Пегас взревел и повернул назад – это нас и спасло. Стадо тоже стало поворачивать, и я выстрелил несколько раз в густое месиво тел, копыт и крыльев.

– Туда, Элф, туда! – Тотигай метнулся в сторону нескольких камней, могущих послужить подобием укрытия. Я бро-

сился следом, успев подумать, сколь нелепа схватка с пегасами перед лицом нависшего над нами хекату. Он приблизился, превратился в заслонившую горизонт выпуклую стену, и эта стена уходила вверх – в бесконечность.

Впрочем, для пегасов схватка не была нелепостью. Они убьют нас и успеют уйти в сторону.

Я осмотрел нашу линию обороны. Четыре валуна неподалёку друг от друга. Один из них мне по грудь, остальные и того меньше. Остановят они пегасов? Вряд ли остановят.

Чуть дальше стояло несколько скал, больших, но вожак уже поворачивал стадо. Видно, сильный жеребец – он вёл больше двадцати кобыл. Ещё две лежали неподвижно на месте первого столкновения и одна билась там же на земле... И нет времени бежать, и нет времени прятаться.

Я встал за камнем и положил на него оба разрядника. Ни прицельных планок нормальных, ничего... Кольца вместо спусковых крючков, и надо продеть туда пальцы. Знать бы, как ибогалы так метко стреляют из этих самопалов? Стадо снова летело на нас, и мне подумалось, что целиться не придётся. Подпустить поближе, и...

Когда они приблизились, то сложили крылья и сомкнулись, – так всем не терпелось до нас добраться. Вот и вожак... Ну, теперь-то я тебя не упущу! Привык выпускать вперёд своих кляч... И я подстрелил его, когда он уже готовился свернуть. Пегас грохнулся на землю, проехал по ней и угодил под копыта не успевшего раздаться в стороны стада.

После этого я потянул за спусковые кольца обоих разрядников сразу, и больше не отпускал. Сверкающие шары били и били в живые тела и уже мёртвые. Впереди выросла шевелящаяся гора опалённого умирающего мяса, во все стороны летели искры и клочки перепончатых крыльев. Три или четыре кобылы перемахнули через эту грудку, и одну я застрелил в прыжке. Другая скакнула через наше укрытие, едва не снеся мне копытами голову. Остальные повернули налево, к скалам. Оттуда по ним хлестнула длинная очередь, и я узнал голос ручного пулемёта Бобела.

– У-у-у-у!.. – восторженно взвыл Тотигай, не в силах по-другому выразить радость от услышанного.

Я пихнул его коленом под зад, толкнув вперёд, и выскочил из-за камней, считая, что расслабляться рано. Над нашими головами – казалось, руку протяни – вращалась чёрно-коричневая воронка. Толстенный крутящийся столб воздуха, песка и камней упирался в землю совсем рядом с нами, поднимая вокруг тучи пыли, отбрасывая прочь всё, что не сумел в себя втянуть. Пятясь задом, чтобы держать в поле зрения уцелевших пегасов, мы добрались до крайней из скал и нос к носу столкнулись с Бобелом.

– Я запишу твой пулемёт на магнитофон и стану включать на ночь вместо колыбельной, – пообещал я. – В жизни не слышал ничего более успокаивающего.

– Так ведь теперь нет магнитофонов, – рассудительно сказал Бобел. – То есть они не работают. И никогда больше не

будут.

– Ну и ладно, – сказал я. – Нас тоже скоро не будет.

– Почему? – удивился Бобел.

– Потому, что нас унесёт, дубина. Здесь же держаться не за что. Ты-то зачем сюда припёрся? Ждал бы у пирамиды, как договаривались, и нечего было проявлять инициативу.

– Так вот же она, пирамида! – ответил Бобел, тыкая через плечо пальцем, похожим по толщине и размеру на сардельку. – Я заметил вас со скалы и сначала не понял, чего вы так торопитесь. Потом увидел стадо.

Я оглянулся, и теперь, с нового места, заметил медленно вращающийся, призрачный шар Калейдоскопа миров. С него стекали такие же призрачные, извивающиеся ленты, и ползли вниз, исчезая за склоном холма. Самой пирамиды видно не было, но я разглядел голову стоявшего перед ней рувима сквозь висевшую над мехраном красно-серую хмарь. Выходит, мы с Тотигаем проглядели в этой мгле ориентир и подошли к месту встречи ближе, чем думали.

– Так что я не слишком рисковал, Элф, – сказал Бобел. – Ты же знаешь, что рувим не позволит Калейдоскопу всосать смерч. Иначе весь мусор из него могло бы выбросить отсюда в другой мир, верно? – Он говорил извиняющимся тоном, как человек, которому приходится напоминать внезапно поглупевшему приятелю очевидные вещи. – Скорее всего, рувим завернёт хекату ещё до того места, где вы дрались с пегасами. Так что за свой рюкзак тоже можешь не беспокоиться.

Я взглянул на воронку. Порывы ветра были уже столь сильны, что едва не сбивали с ног, но Бобел оказался прав: смерч внезапно остановился. Его слегка сплющило, точно он столкнулся со стеклянной стеной, затем воронка изогнулась, свернула в сторону и двинулась под острым углом к своему первоначальному пути.

Я с уважением оглядел могучую фигуру Бобела. Я и сам покрупнее обычного рослого и здорового парня, но Бобел – это просто настоящая выставка мускулов. И мозги у него в последнее время работают всё лучше и лучше – не сравнить с теми временами, когда мы с Орехом только что вытащили его из уничтоженной крепости яйцеголовых. Он, оказывается, и не думал безрассудно рисковать жизнью, выходя навстречу хекату.

– Если б магнитофоны ещё работали, я непременно записал бы твой пулемёт, – сказал я ему. – А также и эту твою лекцию. Быть может, прослушанная тысячу раз, она отучила бы меня пропускать ориентиры.

Бобел и бровью не повёл. Хороший он парень, но начисто лишён чувства юмора, как и все орки. Вместо того, чтобы порадоваться нашему спасению, в которое он внёс весомый вклад, Бобел уже примеривался, как вернее расстрелять маячивших тут и там пегасов из рассеянного стада.

Ну, раз он не выказывает ликования, то и я не стану. Ветер слабел. Проследив новое направление смерча, я сказал Тотигаю:

– Похоже, он движется напрямик на тех яйцеголовых, заодно уничтожая наши следы. Хотя, естественно, Бобел прав, и радоваться нечего. Вот если воронка затянет ублюдков и унесёт на экватор, тогда мы будем полностью удовлетворены.

– Они заметят её издали и успеют спрятаться, – с сожалением ответил кербер. – У Большой тропы полно пещер, где может укрыться целая тысяча всадников с кентаврами вместе.

Я привалился к скале и устало закрыл глаза. Конечно, никто не назовёт меня восторженным дурачком, склонным впасть в экстаз по любому поводу. Но я терпеть не могу пессимистов, которые не дают человеку насладиться вкусом удачно сохранившейся жизни и немного помечтать.

Глава 7

Длинный додхарский день ещё только начинался. Мы с Тотигаем не выспались ночью и легли досыпать сейчас, оставив Бобела караулить. Я улёгся на землю там же, где стоял, и моментально отключился. Не столько я устал, сколько требовалось успокоить нервы. Будь ты хоть каким бывалым и тёртым, а когда костлявая старушенция стоит в двух шагах, и уже слышен свист её косы, которая вот-вот снесёт тебе голову, – тут, пожалуй, перенервничаешь. И я предпочту какую угодно смерть гибели под копытами пегасов. Когда мне было семь, они растоптали мою мать у меня на глазах. Когда-нибудь я тоже умру, но надеюсь, что по-иному. Всё равно как – только не так же точно. С пегасов хватит и одного человека из нашей семьи.

Пока мы спали, Бобел многое успел. Во-первых, он перестрелял всех пегасов. Жеребцы у них способны жить сами по себе, хотя и дуреют от сексуальной неудовлетворённости без всяких торнадо. Молодняк обоих полов тоже достаточно самостоятелен. А вот крытые кобылы без жеребцов становятся глупее улиток. Они так и будут бродить вокруг места гибели своего бывшего повелителя и призывно ржать, пока не появится новый жеребец. Сквозь сон я слышал треск коротких очередей. Да, звуки были успокаивающими, поскольку свидетельствовали о том, что Бобел на посту и мы в безопасно-

сти. Но спать они всё равно мешали. Наверно, я поторопился с проектом пулемётной колыбельной.

Бобел также притащил мою винтовку и рюкзак, который уже успел облегчить за счёт жареной конины. Когда я проснулся, он всё ещё жевал, опёршись на большой валун и задумчиво поглядывая в мехран поверх своего пулемёта.

– Кинь и мне ломоть, – попросил я. – Мы шли без привалов.

Он, не оглядываясь, кинул. Кусок мяса прилетел точно ко мне – только руки подставить.

– Иногда я жалею, что не попадал в ибогальские лаборатории, – посетовал я. – Неплохо видеть затылком.

Вот теперь Бобел ко мне повернулся.

– Никогда не говори так, друг, – сказал он. – Пожалуйста, никогда не говори так.

– Хорошо. Только скажи: они эти чувствительные зоны на голове делают людям специально, или что-то пересаживают от керберов?

Бобел задумался.

– Хрен его знает, – сказал он минуту спустя. – Я ведь почти ничего не помню. Да и не хотел бы вспоминать.

– А мы тебе подарок принесли, – спохватился я. – Посмотри в рюкзаке, в нижнем боковом кармане слева.

Бобел ещё раз оглядел окрестности, наклонился к рюкзаку и вытащил костяную пику, которую я срезал у мёртвого бормотуна. Лицо бывшего орка растянулось в радост-

ной улыбке. Выглядело это примерно так же, как если бы улыбнулся бронетранспортёр, удачно раздавивший вражеского солдата.

– Спасибо, Элф! Спасибо! – прочувствованно сказал Бобел. – Жаль только, что его убил не я.

– Хватит и на твою долю. Они на Додхаре совсем было зачихали, а теперь их яйцеголовые специально разводят. Впервые с прошлого Проникновения у бормотунов появилась постоянная работа.

– А ты точно его убил? – вдруг забеспокоился Бобел.

– Нет, только пощекотал и отпустил, – съехидничал я. – А кусок своего хвоста он сам подарил мне на память.

Бобел опять ухмыльнулся – кажется, на этот раз он понял. Никогда бы не позволил себе подшучивать над ним, но он всё равно не обижается, а когда до него доходит, как сейчас, то даже получает удовольствие. А доходит до него с каждым годом всё лучше.

Когда-то это был не просто человек, а человек настоящий, которому я, наверно, на подмётки не сгодился бы. А иначе как объяснить, что сперва бормотун, а потом яйцеголовые так и не смогли вытравить из его души наше, людское?

Из Бобела готовили солдата-смертника. Стимулировали развитие скелета, нарастили чудовищные мышцы и превратили лицо в маску для устрашения противника. Тяжёлый подбородок, длинные тонкие губы, хищные складки по бокам рта, а над всем этим – глаза убийцы. В любой ситуации

– один и тот же взгляд исподлобья, жёсткий и прицельный, точно сквозь амбразуру дота.

И до Учугешского рейда, и после нам случалось освобождать десятки людей-полуфабрикатов, которых ибогалы не успели довести до кондиции, а некоторых и довели. Ни один из них ни на что не годился без предварительной программы реабилитации – начиная с детского сада. А кому охота этим заниматься? Кое-кого доставляли в Субайху на попечение умникам, большинство оставалось на месте. Они жили потом в мехране и на Старых территориях как животные – те, которые выживали. Ведь даже человек, проживший месяц в Бродяжьем лесу под присмотром бормотуна, уже ничего не помнил из своей прошлой жизни и становился абсолютно беспомощен, если кто-то убивал упыря-пастуха.

Но Бобела яйцеголовые так и не смогли доломать до конца.

Мы две недели вели разведку в окрестностях Учугеша; потом ещё целый день спорили с нукуманами, отговаривая их от штурма; уже ушли, а они остались, и мы в последний момент вернулись, чтобы их поддержать, хотя нас всех вместе взятых было вдвое меньше, чем ибогалов в крепости. Атака, как и следовало ожидать, оказалась неудачной, и когда мы наконец вошли внутрь сквозь бреши в стенах, на ногах стоял едва один боец из пяти. Тут бы нам всем и крышка, если бы нас вдруг не поддержали изнутри. Это и был Бобел. Что ему стукнуло в голову, я не знаю, и он сам не знает, да

только он прошёл по главной башне до самой крыши, убивая других орков. Те даже не сопротивлялись. Яйцеголовые им в мозги не вложили, что свой может ударить своему в спину, и Бобел этим воспользовался. Ибогалы – те сопротивлялись, да не очень-то повоюешь против того, кто не чувствует боли и не боится смерти. А потом Бобел начал одну за другой давить огневые точки яйцеголовых на территории крепости. Virtuозно. Ни одного из наших так и не зацепил, хотя внизу творилось чёрт знает что.

Когда всё было кончено, мы поднялись на крышу и нашли его. Он едва дышал от ран, а голова совсем не работала – он стал таким же дебилом, какими становятся все орки без руководства ибогалов. Только стонал и повторял без конца одно и то же: «бо-бел... бо-бел...» – не то пытался произнести имя, не то просто бессвязно бормотал. У нас было полно раненых, но такого парня мы бросать не захотели. Сначала он жил у Имхотепа, потом в замке Орекса, потом стал ходить со мной.

С тех пор я подметил за Бобелом немало интересного. Например, его обожают нукуманские лошади. Они готовы слушаться его беспрекословно, в том числе и те, которые видят его в первый раз. Надо знать нрав нукуманских коней, чтобы это оценить. Я, положим, тоже в силах обломать любого из этих четвероногих монстров, но приходится очень постараться.

А ещё Бобела не кусают змеи. Может взять любую за хвост

и просто выкинуть подальше.

– Сколько времени прошло? – спросил я.

– Часа два с половиной, – ответил Бобел. – Мог бы ещё спать. Тотигай, вон, спит.

– У проклятых керберов будильники в голове, а я, видишь ли, беспокоюсь.

– Так я же разбудил бы.

– Всё равно беспокоюсь. И я хотел успеть повидаться с рувимом.

– А-а-а, – протянул Бобел. И, помолчав, добавил: – Как ты с ними общаешься, интересно...

– Я бы и сам не против узнать, – проворчал я.

– К ним никто и подойти-то не может. В Харчевне болтают, что ты давным-давно превратился в колдуна.

– Было бы здорово.

Я встал и обошёл скалу, у подножья которой мы расположились. За ней, в неглубокой ложбине стояла пирамида.

Пирамиды, которые люди строили перед Проникновением, оказались единственными нашими сооружениями, выпавшими на Додхар с Потерянных территорий. И находятся они примерно в тех местах, где их когда-то возвели на Земле.

Только теперь каждую стерёг один из рувимов.

Эта пирамида была небольшая, правильной формы, металлическая, четыре метра высотой, а рувим возвышался над ней ещё на добрых два метра. Фигура в белом хоть и была полупрозрачной, невольно внушала уважение, особенно ко-

гда подойдёшь близко. Но только близко подходить никто не отваживался, потому что длинный пылающий меч в руке существа мог даже танк развалить надвое. Когда техника ещё работала, некоторые пробовали подъехать.

Я мог бы спорить, что охраняемая здешним рувимом пирамида сработана кустарно. Чья-то частная постройка. Иначе она не развернула бы над собой Калейдоскоп миров – беспорядочное переплетение входов в параллельные пространства и выходов из них.

Глядя на сооружение, собранное из уголка и листовой стали, я думал, что эта пирамида могла быть той самой, которую когда-то построил на своём огороде Даниил Кречетов. Ведь до Проникновения он жил как раз в наших местах. Фантазёр и мечтатель, не дурак выпить, и из-за своего пристрастия не способный удержаться ни на одной работе более года, он в конце концов оставил попытки жить как все, продал квартиру и обзавёлся крестьянским хозяйством. С тех пор кормился с огорода, разводил свиней и пополнял бюджет за счёт случайных заработков.

Неизвестно, когда ему впервые пришло в голову, что пирамида Хеопса выглядит в точности так, как должна выглядеть одна из сторон гиперкуба¹, помещённого в трёхмерное пространство. Сам он говорил, что лет в четырнадцать. Люди, близко его знавшие, подтверждали, что при всей сво-

---

¹ Гиперкуб или тессеракт – геометрическая фигура, существующая в четырёхмерном пространстве, сторонами которой являются восемь кубов.

ей видимой никчёмности, Кречетов отличался острым умом (направленным, по мнению соседей, не туда, куда нужно) и любовью к точным наукам, в частности к геометрии. Даже грядки на его огороде поражали своей прямизной и почти идеальной формой.

Его близкий друг, человек куда более практичный, который впоследствии стал главным популяризатором кречетовских идей, потом рассказывал, как Даниил, устроив однажды в честь своего дня рождения посиделки с домашней бражкой, поделился с ним своими мыслями. Немногочисленные гости уже разошлись, а они вдвоем ещё долго сидели, и Даниил рисовал гиперкубы и пирамиды на грязных салфетках огрызком карандаша, доказывая, что любая правильно построенная в нашем мире пирамида создаст ещё семь своих виртуальных двойников в параллельных пространствах, – и мы будем иметь переходник, связывающий восемь миров, считая наш собственный.

Бражка у Кречетова была хорошей, рассказывал он интересно, и его друг поинтересовался, почему только восемь, а не все сразу? Ведь трёхмерных пространств внутри четырёхмерного должно существовать великое множество?

Да, сколько угодно, подтвердил Кречетов. Они там как бесконечно тонкие листы в книге бесконечной толщины. Но мы, как существа ограниченные своей природой, получим доступ только к семи. Для доступа к остальным или геометрия переходника должна быть другой, или мы сами должны

стать другими.

Дальше события разворачивались так, как и следовало ожидать. Друг Кречетова, со своей практичностью, на утро выпил две таблетки шипучего аспирина и забыл о разговоре. Кречетов, со своей непрактичностью, распродал всех имевшихся у него на хозяйстве свиней, купил сварочный аппарат, пригнал из города машину, гружённую железными листами и уголком, и приступил к строительству ворот в параллельные миры посреди собственного огорода.

До Проникновения эта история была известна, наверно, каждому жителю Земли. Да и сегодня в разбитых газетных киосках и заброшенных книжных магазинах можно найти пачки комиксов, изданных перед Проникновением миллионными тиражами. Во все семь пространств – в те самые, которые нукуманы называют мирами Обруча, – Кречетову попасть не удалось. Он смог открыть только один канал и очутился на планете с нетронутой природой и чистейшим воздухом, которая была почти точной копией Земли, – но без людей. И ещё там не было хищников. Словно в первозданном раю, все животные питались растительной пищей, а за счёт чего регулировалась их численность, Даниил не понял.

Справедливо рассудив, что его открытие рано или поздно станет известно не только ему, Кречетов задался целью устроить так, чтоб вновь открытый мир не стал добычей промышленных магнатов и не превратился в предмет раздора между мировыми державами. На самом деле никакого спо-

соба избежать того и другого не существовало, но Даниилу показалось, что он его нашёл. Подробно описав в обширной статье свою теорию, как и сам способ перехода на Парадиз, он выложил всё это в Интернет. И среди пользователей нашлось достаточно сумасшедших, чтобы не только поверить ему, но и попытаться повторить его опыт на практике. Тем более что множество маленьких пирамид, подобных кречетовской, в мире уже имелось. Кто-то использовал их для оздоровления, кто-то – для медитаций.

Нетрудно догадаться, что началось, когда с Парадиза на Землю вернулось несколько первопроходцев, обременённых реальными доказательствами существования нового мира в виде засушенных растений, отловленных животных, и даже образцами почвы и воздуха в герметичных колбах.

Пока вопрос о научном исследовании беспризорного рая решался специально созданной комиссией Организации Объединённых Наций, началась стихийная и никем не контролируемая колонизация Парадиза. На всех континентах и во всех странах люди лихорадочно строили пирамиды, перемещая на Парадиз уже не только самих себя, но и всё своё имущество; корпорации перебрасывали туда оборудование и наспех сколоченные группы специалистов, спеша застолбить территорию; и все государства, плюнув на запрет ООН, боясь опоздать к дележу, наперегонки выводили на просторы девственной планеты свои наиболее боеспособные армейские подразделения, оснащённые новейшей военной техникой.

В короткие сроки Земля потеряла четверть населения. Назад теперь почти никто не возвращался. Начальники штабов всё чаще теряли связь с войсками, а многие командиры на Парадизе открыто объявили о независимости от собственных держав. Отчаявшись остановить лавину перемещений мирным путём, военные на Земле расстреливали с воздуха огромные общественные пирамиды, возведённые различными организациями и движениями с целью предоставить доступ на Парадиз любому желающему. Маленькие пирамиды в частных владениях давили танками. По телевидению непрерывно передавали выступления обезумевших беженцев с Парадиза, стремительно превращавшегося в ад, наполненный резнёй и насилием. Но ничего не помогало, беженцам не хотели верить, и к началу Проникновения население Земли уменьшилось уже до шестидесяти процентов от первоначального.

Лишь самые умные, и среди них – мой отец, додумались до мысли просто оставаться на месте, сообразив, что вскоре на нашей собственной планете станет не менее просторно, чем на её некогда пустынной соседке.

Потом началось самое плохое. Пирамиды стали сами собой схлопываться или разворачивать Калейдоскопы миров. Любого, кто осмеливался приблизиться к ним вплотную, всасывало внутрь и выбрасывало уже не на Парадиз, а вообще неизвестно в какие миры и пространства. Иногда Калейдоскоп разворачивался быстро. Но чаще призрачный шар

возникал над вершиной пирамиды, медленно вращался, рос, пока не поглощал её целиком. Затем взрывался, не оставляя после себя ничего.

А чуть позже началось Проникновение, и людям стало не до Парадиза. Почти половина земных территорий провалилась в тартарары, вытолкнув взамен себя на Землю мрачно-ватые додхарские пустыни, бесконечные лавовые поля и леса с полуживыми растениями. Что происходило на Парадизе, осталось неизвестным; однако, по всей видимости, Проникновение потрясло Великий Обруч миров целиком, изменив до неузнаваемости каждую принадлежащую ему планету.

Уцелевшие пирамиды взяли под контроль рувимы. Я сейчас смотрел на одну из них.

Калейдоскоп над её вершиной вращался неторопливо, точно небольшая туманная планета, сложенная из кусочков разбитого волшебного зеркала. И каждый отдельный кусочек был дверью в параллельное пространство.

Рувим стоял неподвижно. Ждёт... Ясно, чего – поглощения Калейдоскопом пирамиды. Сейчас, спустя двадцать лет после Проникновения, это всегда происходило очень и очень медленно.

В лощину я спускался не без опасения. Вот махнёт эта дура шестиметровая своим мечом... Вдруг он меня уже забыл с последнего раза. Но рувим не пошевелился, только зыркнул в мою сторону, чтобы показать – он, мол, видит меня, и не стоило бы всяким козявкам подходить слишком близко.

Когда я был ещё семилетним мальчишкой и после смерти матери бродил один в мехране, то однажды случилось так, что я не смог вовремя подыскать себе места для ночлега. Я брёл всё дальше в полной темноте, глаза уже сами закрывались, и наконец я улёгся на землю и уснул, а проснулся прямо у ног одного из рувимов. Бог знает, как накануне я не заметил ни его, ни пирамиду. Или же заметил, но подумал, что уже сплю, а потом забыл. Так или иначе, но рувим меня не тронул, хотя возле любой из пирамид лежат останки тех, кто после Проникновения хотел в них прорваться.

Может, дело было в том, что я никуда не собирался прорываться, а только поспать.

После я ещё не раз пользовался случайно открытым способом и разбивал лагерь у пирамид. Там всегда можно отдохнуть спокойно, зная, что ни люди, ни животные, ни яйцеголовые к тебе не приблизятся. А позже обнаружил, что ночевать по соседству с рувимами могу только я. Остальные не решались. Даже нукуманы. Даже Бобел. Тотигай – тот и вовсе обходил пирамиды подальше, поджав хвост. Несколько балбесов из Харчевни вздумали мне подражать и мигом расстались с головой.

Подойдя поближе, я, как всегда, поздоровался, рувим, как всегда, не ответил, и я принялся его разглядывать, присев на камень неподалёку. Часто я сидел так, глядя на них и пытаюсь понять, что это за существа. Даже неизвестно, существа ли они во множественном числе или возле каждой пирами-

ды стоит тот же самый рувим, – так они друг на друга похожи. Для меня, по крайней мере. И ещё – с какой бы ты стороны не подходил к пирамиде, рувим будет стоять прямо перед тобой. Мне всегда хотелось узнать, что произойдёт, если два или три человека приблизятся с разных сторон одновременно, да только сейчас уже не найти дураков, согласных проводить такие опыты. Раньше находилось немало, но они быстро перевелись.

Посидел я немного и ни с того ни с сего начал злиться. Это ведь я только перед другими не отрицал, что запросто общаюсь с рувимами, поскольку в Новом мире полезно поддерживать славу колдуна, раз уж она сама нечаянно свалилась на голову. Меньше проблем в жизни: кто-то не полезет к тебе просто потому, что побоится. А на самом деле ни один из рувимов мне ни разу и слова не сказал. Я не удивлялся: о чём говорить с людьми этим полупрозрачным ребятам с огненными мечами? Ведь мы для них букашки. Колдуй не колдуй – им всё фиолетово. Но народ сейчас почти весь тёмный стал, хотя всего-то двадцать лет прошло с начала Проникновения. И книги ещё старые есть, можно читать; вон, в городе, в библиотеках – гребни не хочу, и библиотеки там, кстати, самые безопасные места. Однако на дворе у нас вроде как Средневековье. Раннее.

Умники читают, конечно. Даже слишком много, на мой взгляд. Они были бы рады, несмотря на свою любовь к гуманизму, затащить меня хоть в комнату пыток, лишь бы вы-

яснить, почему я могу бывать там, где другие не могут. Когда мне лет двадцать было, уболтали – взял я с собой одного, и пошли мы к пирамиде. Только стали подходить, как рувим махнул своим чёртовым ятаганом, и две половинки моего спутника повалились в разные стороны. Я стою ни жив и ни мёртв, но невредимый, и двое умников-наблюдателей издалека это видели. С тех пор больше никто из Субайхи взять его с собой не просил.

Из Утопии подкатывали, правда, но я им при всех ответил, что если не прекратят приставать ко мне и лезть к пирамидам, то рувимы пришлѐпнут их полис со всем содержимым. Мол, рувимы сами твёрдо обещали мне это. И поди ж ты, полгода не прошло, как умники притащили в Утопию Книгу, после чего их полис перестал существовать.

Потом ещё долго все в Харчевне шарахались от меня как от заразного. Другой мог бы извлечь массу выгоды из такой репутации, и жить ничего не делая до конца дней своих, застрашав окружающих и собирая с них дань. А я не могу как-то. Да и язык не поворачивается врать после того случая. Я лучше в города буду ходить, шататься по мехрану, драться с пегасами, стрелять в бормотунов и рубиться с гидрами. Постепенно люди стали забывать Утопию, и сейчас относятся ко мне нормально. Лагерь мы с Тотигаем и Бобелом слишком близко к пирамидам не разбиваем, а когда я в мехране один – пойди разбери, где я ночую.

А вот сейчас я вдруг разозлился. На рувимов. Ну чего бы

им не взять и не разъяснить всем и каждому по-простому, что на Парадиз больше нельзя? Зачем обязательно мечами рубить? Поставили бы какую-нибудь невидимую стену. Могут же они торнадо запросто в сторону завернуть? Могут... Что за мечи у них такие? Похоже, будто они из расплавленного металла, но от них не исходит ни жара, ни слишком яркого света, и лезвия полупрозрачные, как сами владельцы оружия... Почему рувимы наложили заклятие на технику? Просто для того, чтобы мы с додхарцами меньше воевали? Но допускают же они войны обычным оружием, а яйцеголовые – такие скоты, что мы рано или поздно перережем друг друга и перочинными ножиками.

Завершится это Проникновение так же, как прошлое, – или оно уже навсегда? Правда ли то, что болтают про Обитель Бога? Живы ли ещё люди, которые ушли на Парадиз?

Тысячи вопросов, но ни на один из них рувимы не ответят; будут делать своё дело тихой сапой, а что это за дело – никому не скажут; чем всё кончится – не скажут тоже. А яйцеголовые будут скрещивать людей с лошадьми и ездить на них верхом. А умники будут открывать книги, которые вовсе не книги, и которые открывать не положено. А веруны будут бить в землю лбами на молитвенных собраниях и уверять фермеров, что рувимы есть не кто иные, как ангелы у врат рая, то бишь Парадиза; что Проникновение было давно предсказано в их верунских священных книгах, хоть и непонятно тогда, почему они сами так плохо подготовились

к нему; что яйцеголовые – слуги антихриста, и посланы людям в наказание за грехи; что избежать грядущих адских мук очень просто, если регулярно отстёгивать десятину в пользу Церкви Самоновейшего Завета; что в конце концов Иисус придёт с громом и звоном – и задаст всем перцу.

Раскалил я себя до последней невозможности такими мыслями, встал да и пошёл прямо на пирамиду. Рувим, понятно, тут же выставил вперёд свой тесак, но я остановился лишь тогда, когда между моей грудью и кончиком меча не прошёл бы и лист бумаги.

Может, я ещё не успел успокоиться после драки с пегасами, может, ещё чего, а только подумал – да что я, собственно, теряю? Жизнь эту – скитания в мехране, лавовые поля, Бродяжий лес и бормотунов? Город, где на каждом шагу ловушки? Ещё несколько ночей с проститутками в Харчевне? Ещё несколько трупов не убитых пока мною яйцеголовых? Взял и шагнул вперёд.

Я широко шагнул, но меч руви́ма остался на той же позиции, у самой моей груди, хотя он вроде и не шевелился. Тогда я шагнул ещё раз – ни за что не стал бы, дай себе время подумать, но я не думал.

Ничего не произошло.

То есть, наоборот, произошло нечто необычное. Я по-прежнему был жив, меч по-прежнему передо мной, но руви́м вдруг заговорил, и его голос был подстать шестиметровому росту:

– Не делай третий шаг, Элф. В третий раз ты умрёшь.

Я посмотрел на рувима и понял, что он не шутит. Да и с чего ему со мной шутить?

– Откуда ты знаешь моё имя? – глуповато поинтересовался я.

Рувим промолчал. Видно, он уже успел сказать всё, что считал важным. Пора было поворачивать оглобли. Но сначала я дал себе слово, что больше никогда в жизни не стану так психовать, и дважды сглотнул, потому что заложило уши. Вот это голос!

Вернувшись к скале, я опустошил одну из двух своих фляг, недоумевая, что на меня нашло.

Рувимы не хотят с нами говорить и ничего не объясняют... А они что – обязаны? Люди напортачили с колонизацией Парадиза, нарушили структуру пространств нескольких параллельных вселенных (если верить умникам), привели в движение Обруч миров (если верить нукуманам), открыли дорогу на собственную планету всякой додхарской нечисти во главе с яйцеголовыми, а рувимы теперь крайние? Да не вмешайся они, ещё неизвестно, чем бы закончилось Проникновение.

Не наложи они заклятие на технику, мы, быть может, уже истребили бы друг друга и без помощи ибогалов. Сколько было междоусобиц за первые десять лет существования Нового мира? Сколько Старых территорий совершенно опустело? Ведь на том куске Земли, куда мы с Тотигаем посто-

янно ходим за добычей, совсем никто не живёт... Сколько было попыток захвата уцелевших ракетных баз? Прямо на этих самых рувимов ведь пёрли. А не блокируй они сразу после Проникновения остальные интересные объекты? Атомные электростанции? Склады химбоеперипасов? Лаборатории по разработке бактериологического оружия, существование которых все отрицали, но которые у всех имелись? С яйцеголовыми-то мы уже потом стали воевать...

– Ну как, поболтали? – спросил Бобел.

– Поболтали, – ответил я, и на сей раз врать мне не пришлось. – А ты разве не слышал?

– Нет.

Ну надо же! А я был уверен, что не только Бобел слышал, но и все остальные жители Додхара и Земли; да и Харчевня, находившаяся в половине дня пути отсюда, могла запросто рухнуть от рувимского рыка.

– погоди, – сказал я, начиная догадываться, что дело нечисто. – Бобел, дружище, ты какими обычно видишь рувимов?

– Да я особо не приглядывался, – ответил он. – Но они похожи на орков, только все светятся.

Та-ак, подумал я, и до меня вдруг дошло, что я никогда не обсуждал внешность рувимов ни с Бобелом, ни с Тотигаем, ни с Ореksom. Нукуманы о них не любят говорить, а Тотигая мне и в голову не приходило спрашивать. Я слышал лишь случайные разговоры в Харчевне, всегда между собой гово-

рили люди, и они описывали рувимов одинаково.

Приподняв ногу, я хотел толкнуть спящего кербера, но он проснулся раньше, чем я до него дотронулся.

– Рано ещё, – недовольно сказал Тотигай позёвывая. – Могли бы выступить и попозже.

– Мы и выступим чуть позже. Ты мне вот что скажи: как выглядит рувим?

– Что значит – как? – удивился Тотигай. – Здоровый кербер в доспехах. Только стоит на задних лапах и боевые когти у него словно раскалённые.

Ах вон оно что! Понятно... Орекс будет видеть его нукуманом с мечом, а яйцеголовые – ибогалом с разрядником или ещё какой-нибудь хренотенью.

– А ты не знал, что мы с тобой их видим по-разному? – удивился Тотигай. – Я давно знаю.

– Откуда?

– Ну, я же слушаю разговоры в Харчевне. Вы, люди, на редкость болтливы.

– Поумничай ещё! Тоже мне – аскет-молчальник... Знаешь – и ничего не говорил?

– А ты спрашивал? – обиделся кербер. – Я думал, ты в курсе. Ты же общаешься с ними.

Вот она, цена незаслуженной славы.

– Р-р-р-го-го-го! – радостно выдал Тотигай, сообразив. Это он так смеётся. А соображает быстро. – Так ты всё врал, выходит? А я-то думал, что ты ни разу в жизни...

– Когда ты от меня слышал, что я с ними разговариваю? – спросил я.

– От тебя не слышал, но люди говорят...

– Вот им и предъявляй претензии, – вывернулся я, но на душе осталось поганое чувство от плохо прикрытого мошенничества.

– Но ты и сам говорил...

– ...что общаюсь с ними, – перебил я. – А общаться – не то же самое, что разговаривать. Общаться – значит, иметь общение, а оно возможно без слов.

– Как это? – удивился Тотигай. – Телепатически, что ли?

– Зачем – телепатически? Ты вспомни, как мы во время похода иногда по целым дням ни слова не говорим. Но понимаем же, о чём думает другой. Потому, что у нас всё общее – дорога, враги, жратва, трофеи. Выходит, когда двое имеют что-то общее между собой, это и есть общение.

Тотигай посмотрел на меня изумлённо, сражённый такой хитрой софистикой, и даже не спросил, что у меня может быть общего с рувимами.

– Да ты у нас юрист! – не без уважения сказал он и отошёл в сторону, чтобы помочиться.

– Ладно, выдвигаемся, – скомандовал я, опасаясь, что по облегчению ему придут в голову контрдоводы. – В Харчевне отдохнём.

Бобел отдал мне свой рюкзак, который был почти пустым, а на мой приспособил чехол с дротиками.

– Я разрядники не стал выкидывать, – сказал он. – Правда, ты их почти опустошил, когда палил по пегасам, но, может, они ещё сгодятся...

– Правильно сделал, – одобрил я, хотя пустой разрядник мог сгодиться разве что в качестве дубины. Однако мне не хотелось огорчать бережливого Бобела. И стоило помнить о совпадении отверстий на разрядниках с размером торчавшего из Книги штыря.

– Тогда я это... примотаю к остальному, – сказал Бобел.

Он быстро увязал ремешками вьючники, и когда кербер вернулся, швырнул их ему на спину.

– Да почему?!? – возмутился Тотигай, невольно присев под тяжестью тюков. – У нас же теперь есть ты!

– Я понесу рюкзак Элфа, – ответил Бобел. – Он его с самого города тащил, пусть отдохнёт.

– Я тоже тащил тюки с самого... С этого...

– Не с города же, – примирительно ответил Бобел.

– Ну и что? Да на мне живого места нет! Выходит, Элф совсем без груза пойдёт, а я... Ты мог бы всё взять! Ты вон какой здоровый!.. Я дырки в крыльях протру! У меня шкура облезет!

Бобел начал терять терпение.

– Заткни пасть! – рявкнул он не намного тише, чем до него рувим. – Иначе пострадаешь куда сильнее!

Тотигай тяжело вздохнул и, повернувшись, двинулся во главе нашего маленького каравана. Он понимал, что не прав,

и к тому же собственными глазами видел, как Бобел голыми руками задушил сразу двух керберов из стаи, с которой мы однажды сцепились в мехране.

Я встал замыкающим, прикрывая группу с тыла. Пока мы спали, ветер утих, облака разошлись, духота рассеялась. Дальнейший путь до Харчевни обещал быть приятным, по крайней мере для меня. А Тотигай – ничего, потерпит. Он и так почти постоянно налегке.

Кербер то и дело кряхтел, показывая, как ему тяжело, но спорить больше не решался. Бобел, конечно, у нас не юрист, но обычно хорошо вникает в суть дела и умеет находить просто неотразимые аргументы.

Глава 8

Солнце уже клонилось к закату, когда мы достигли Границы Соприкосновения.

Хотя ни одну из Границ нельзя увидеть простым глазом, когда ты рядом, их приближение обычно угадываешь сразу. На суше это самые опасные места во всём Новом мире, особенно там, где имеется сильное несоответствие между земной и додхарской местностью. Неподальёку от Харчевни есть одна такая западня: додхарский вулкан, сосед Ниора, после Проникновения оказался прямо на Границе, а на Земле там была болотистая, поросшая лесом равнина. И теперь со стороны Додхара можно спокойно забраться по склону вулкана до самого кратера, а на Старой территории к Границе и близко не подойти. Нет, там вовсе не течёт лава, как можно было бы ожидать от вулкана в разрезе, – всё гораздо хуже. Из тех, кто решился побродить в этом проклятом лесу, мало кто вернулся назад. Солнца оттуда не видно, всегда туман, а деревья стонут натужно и мучительно; так и прозвали его – Стонущий лес.

Где перепад высот не слишком заметен, несоответствие сглаживается. Ознобом прохватит нехорошим, да сердце замрёт, и дышать не можешь нормально. Есть участки, где при переходе ничего не чувствуешь совсем. Они самые большие по протяжённости, и это хорошо, поскольку с обеих сто-

рон Границ постоянно передвигаются отряды яйцеголовых и банды работорговцев. Те и другие устраивают засады на путешественников, и будь удобных для перехода мест мало, трофейщикам и торговцам пришлось бы плохо.

Мы шли всё тем же порядком, и вокруг был всё тот же мехран; огромное красное солнце висело совсем низко, хотя до его захода оставалось больше часа. И тут горизонт перестал отдаляться от нас – мы продолжали идти, а он застыл; и чем ближе мы подходили, тем больше вся картина напоминала кадр из фильма в кинотеатре Имхотепа. На открытой местности это хорошо заметно, если смотреть не отрываясь. Но стоит моргнуть, и иллюзия пропадает. Правда, то, что обычно видно по ту сторону Границы, – тоже иллюзия, призрак территории, которая там когда-то была.

Тотигай сбросил тюки и убежал в разведку. Я сгрёб его ношу в охапку, чтоб не останавливаться и не ждать его назад. Неприятностей не предвиделось, поскольку ни работорговцы, ни ибогалы не могли устроить засаду со стороны Харчевни, а с этой стороны мы их заметили бы. Но осторожность не помешает. Лучше, если кербер обнаружит чужаков раньше, чем мы окажемся слишком близко от них.

Тотигай вернулся, когда мы подошли к Границе почти вплотную.

В тысяче шагов справа из мехрана выдавалась низкая и длинная гряда, изрезанная расселинами, с избытком пещер, – логовище разгребателей. Поговаривали, что логови-

ще связано подземным коридором с лабиринтом Дворца Фе-ха, – необъятным пещерным царством, раскинувшимся под горами Дангайского хребта у Большой караванной тропы. Но лезть вниз и проверять это никто пока не рискнул. На Старой территории гряда обрывалась. Там, как раз напротив, находился невидимый нам пока стан поводырей.

Солнце Додхара, и без того слишком большое на взгляд землянина, стало громадным. Оно коснулось красноватой поверхности мехрана и зажгло такой закат, какого до Проникновения никто из людей и представить бы не сумел. Мехран пылал словно море свежей лавы; пылала половина неба, а редкие перистые облака на другой его половине медленно плыли с попутным ветром застывшими лоскутами огня; сам воздух, казалось, сгустился, превратившись в алую дымку. А мы шли всё вперёд, прямо в это солнце, в эту дымку, в это небо, сливающееся с землёй. Ещё несколько шагов – и мир качнулся, разбежался волнами в стороны, словно мы прошли сквозь жидкое зеркало, а потом под ногами зашуршала обычная земная трава. Сразу стало заметно прохладнее. Вдалеке виднелись земные горы с берёзами, соснами и пихтачом на склонах. За них как раз садилось привычное земное солнце, а невдалеке, прямо перед нами стояла Харчевня, похожая на сооружения майя и индуистский храм одновременно.

Имея основание сто двадцать на сто пять метров, сооружение возвышалось над равниной на шестьдесят и было по-

строено из многотонных каменных блоков. Оно поднималось вверх ступенями, и каждая ступень соответствовала одному внутреннему ярусу. По периметру самого нижнего располагались жилые комнаты и множество помещений, которые можно было назвать подсобными, – одни использовались для хранения дров и продовольствия, а другие Имхотеп сдавал в бессрочную аренду мастерам, оружейникам, проституткам и менялам. В середине находился общий зал – его стены поднимались на два яруса, а потолком служил пол третьего.

Будучи мальчишкой, я облазил всю Харчевню, и точно знал, что уровни выше первого постоянно пусты, а на самые верхние и попасть было нельзя. На средних ярусах имелись странные комнаты без дверей, с маленькими окнами, круглыми или квадратными, в которые не пролез бы и ребёнок. Меня распирало от любопытства, зачем они нужны и для чего Имхотеп сделал своё обиталище таким большим, – ведь и нижний ярус никогда не бывал занят полностью. Набравшись храбрости, я спросил об этом самого Имхотепа.

– Господь тоже создал Вселенную гораздо пространнее, чем это требуется обитающим в ней существам, – ответил он. – В её устройстве нам тоже не всё понятно, мы не всем можем пользоваться и не везде нас пускают; однако же и в той части, что предоставлена в наше распоряжение, места больше чем достаточно. Я много думал об этом и построил Харчевню по образу нашего мира.

– Но ведь ты не Бог, – возразил я.

– Конечно нет. Но кто помешает мне подражать ему в мере моих скромных сил? Всё, что находится внутри здания, имеет своё назначение и исполнено смысла. Если захочешь, ты постигнешь смысл.

– А почему ты назвал Харчевню Харчевней?

– Я её никак не называл. Точнее – назвал Пристанищем, но никому не говорил. Нынешнее название дали люди, что поселились здесь.

– Но ты мог бы настоять, чтоб её называли по-твоему. Какая же это харчевня? Больше похоже на храм.

– Наш мир тоже похож на храм. Многие мудрецы говорили об этом. Однако мы используем его именно как харчевню или постоялый двор. Поел – поспал. Поел – поспал. И так всю жизнь. Потом вышел и отправился дальше.

– А почему ты пускаешь сюда всякий сброд? Шлюх? Лен-тяев? Бандитов?

– А кто я такой, чтобы им отказывать? Бог, если б захотел, мог бы истребить всех злых и бесполезных людей в мире, но он этого не делает. Значит, они для чего-то нужны и не так уж бесполезны.

При таком мировоззрении хозяина Харчевня из года в год оставалась тем же, чем она и стала чуть не с первого дня существования. Кто мог, вносил арендную плату. Кто не мог, месяцами жил бесплатно. Имхотеп никогда не ошибался относительно платёжеспособности постояльцев. Целый угол в

его комнате был завален пачками ибогальских галет, и любой нищий мог рассчитывать на бесплатную кормёжку. В то же время ни один, даже самый отчаянный мошенник не решился бы выманить галеты обманом. И уж точно никто не решался Имхотепа ограбить.

Ибогальские галеты – отдельная тема, близкая сердцу и желудку любого, кому приходится много странствовать. Они разного цвета, прямоугольные, размером с игральную карту, с иероглифом посередине, – тонкие, но очень прочные. Порвать их нельзя, сжечь тоже, в воде они не размокают, даже пуля не всякая пробьёт. У нас они универсальное средство расчёта и самая клёвая походная еда. Есть красные галеты – стоит как следует потереть такую и бросить на стол, как она начинает шипеть, раздуваться, и в итоге превращается в кусок мяса с гарниром на тоненькой тарелочке. То есть никакое это не мясо и не гарнир, но на вкус очень прилично, а иногда и подливка есть. Две палочки, наподобие китайских, прилагаются. Они из того же материала, что и тарелочка, прозрачные, полые внутри. Важно научиться различать иероглифы, и тогда сможешь выбирать то, что тебе по душе. На гарнир бывает что-то вроде грибов с картошкой, иногда на рис похоже, а иногда на кукурузу. Чаще всего ни на что не похоже, но всё равно вкусно. Мясо всякое разное, а иногда попадаетесь нечто смахивающее на рыбу или морских моллюсков. Сам я моллюсков никогда не пробовал, но другие так говорят.

А ещё есть голубые галеты – напитки. Потрёшь иероглиф,

и галета распухает, превращаясь в прозрачный стакан с ободком по верхнему краю и с жидкостью внутри. На Земле, где воздух влажный, стакан наполняется быстро. На Додхаре ждать приходится дольше, особенно если давно не было дождей. Напитки тоже бывают разные на вкус, но любые одинаково приятны и поднимают настроение не хуже кофе или самой лучшей выпивки. А пустой стакан, если его перевернуть вверх дном, сначала постоит немного, а потом складывается в тонкий блин. Некоторые пробовали делать из них обратно стаканы, но ничего не вышло. Одноразовые они.

Естественно, яйцеголовые свои галеты людям за просто так не раздают и выменять у них ничего нельзя. Однако в самом начале Проникновения, когда повсюду царил сплошной бардак, они думали жить на наших территориях как у себя дома, – точно так же, как было во времена Проникновения предыдущего. Но тогда ведь у людей ещё не было автоматов, вертолётов и установок залпового огня. А в этот-то раз мы им наставили горчичников на задницу, до сих пор помнят. Когда вся техника отказала, нам это было только на руку: миномёты мы могли таскать и на себе.

Вместе с прочими трофеями к людям переходили склады галет. Теперь вся эта денежно-съедобная масса вращалась на Старых территориях, имея также хождение на Додхаре, в землях нукуманов. Она непрерывно уменьшалась за счёт поедания и регулярно пополнялась в результате налётов на поселения яйцеголовых. С тех пор, как на Старых терри-

ториях развелось достаточно дикого зверья, особенно оленей и кроликов, галеты старались экономить, потому что отнимать их у изготовителей становилось всё трудней. Да ещё обнаружилось, что на галеты можно подсесть как на наркотики, и теперь все стараются перемежать их с нормальной пищей. Срока годности они не имеют, храниться могут в любых условиях. И, сдаётся мне, самое серьёзное частное собрание галет на сегодняшний день принадлежит Имхотепу.

Сейчас мы бодро шагали в сторону Харчевни, предвкушая отдых и ужин. Встречный ветерок уже за несколько сотен шагов доносил до нас запахи дыма, свежего хлеба и копчёной оленины. Снаружи горело несколько костров, над которыми что-то варили и жарили те, кто не захотел останавливаться под крышей. Поодаль мерцал огонёк одинокого костра в стане поводырей разгребателей. Слышалось лошадиное ржание; в сумерках маячили силуэты верблюдов и мулов. Верблюды замечательны тем, что могут свободно пить додхарскую воду без всякой адаптации. Жаль, что их пока не так много. Мулы в мехране тоже хороши, однако же верблюдам и додхарским ослам сильно уступают.

Узкие и высокие окна первого яруса Харчевни мерцали огнями факелов, свечей и жировых светильников, горящих внутри. У Имхотепа есть дизель-генератор – единственный рабочий генератор электроэнергии на всю планету, – но он, со свойственной ему оригинальностью, использует его только для кинотеатра. В общем зале висит экран и стоит про-

ектор; этим хозяйством заправляет Хромой Джокер. Он был до Проникновения то ли механиком, то ли электриком, а может, тем и другим одновременно. Джокер не раз предлагал повесить в Харчевне гирлянды электролампочек, хотя бы в общем зале, но Имхотеп не соглашается. Умники пытались выманить у него тайну рабочего генератора, и он сказал, что не знает, – просто такой попался. Умники, конечно, не поверили. Клянчили-клянчили, да выторговали всё-таки у Имхотепа агрегат за бешеную сумму в галетах, но он перестал заводиться уже на следующий день после того, как его перетащили в Субайху. А Имхотеп достал себе другой, мёртвый, как и все остальные движки, – и он у него прекрасно работает.

За сотню шагов нас встретили дозорные, однако останавливать не стали, поскольку опознали издалека. Кое-кто у костров косо смотрел в нашу сторону, но никто не рыпнулся.

Нашу тройку здесь многие недолюбливают. Тотигая – за то, что кербер; Бобела – за то, что орк; меня – за то, что дружу с ними обоими и никого не подпускаю к Лике. Некоторые здесь не прочь бы заполучить такую девочку, да только я считаю, что она не про них. Она тоже так считает. В любом случае, женщина может сама выбирать, кто ей нужен, а большинство мужчин сейчас так не думают. А мне плевать, как они думают, – за это меня и не любят. Бобел с Тотигаем меня во всём поддерживают, и за это всех нас не любят ещё больше.

Ли́ка любит, и печёт кукурузные лепёшки, когда мы заглядываем в гости. Имхотеп ничего против нас не имеет и держит за мной ту комнату, в которой поселил после того, как подобрал в мехране. Я, когда вырос, предлагал ему платить за аренду, но он не берёт. И все остальные нормальные люди относятся к нам спокойно, а что там на уме у всякого отребья, никого не волнует. Пусть хоть камни жуют от злости.

– Ли́ка прислала тебе кукурузные лепёшки, – сказал Бобел. – Они в твоей комнате. Я хотел взять с собой, когда шёл встречать, да забыл. Ты уж извини.

– Правильно сделал, что забыл, – ответил я. – Вот сейчас сдадим барахло, возьмём оленины, пару тушёных кроликов, и устроим пирушку.

– А мне? – напомнил о своих правах Тотигай.

– Ты не можешь кроликов. Для тебя будут остатки нукуманского коня и галеты.

– Я имел в виду лепёшки.

– А-а-а... А я-то надеялся, что ты нас не расслышал и ничего про них не знаешь.

Мы прошли через большой прямоугольный проём, служивший парадным входом в Харчевню. Сооружение над ним – что-то вроде тамбура или, лучше сказать, притвора при храме – возвышалось метров на двенадцать, выдаваясь вперёд из каменного тела здания. Внутри по стенам справа и слева имелись глубокие пазы, а из потолка выступал край плиты весом тонн в четыреста. Маленьким я всерьёз боялся,

что она как-нибудь ненароком сорвётся и грохнется вниз как раз тогда, когда я буду под ней проходить. Но плита, удерживаемая противовесом, никогда не падала сама по себе, а специально на моей памяти ею закрывали проход всего четырежды.

– Я уже чую лепёшки, – заметил Тотигай, потянув для лучшей достоверности носом.

– Бреешь, – безразлично сказал Бобел. – Ничего такого ты почуять здесь не можешь.

Он был прав. Даже после того, как Имхотеп по единодушной просьбе постояльцев изгнал из Харчевни кожевников с их редкостно вонючим производством, учуять внутри запах кукурузных лепёшек, лежавших в закрытой комнате на другом конце здания, не смог бы и зверь с более чутким, чем у кербера, носом. Здесь тяжёлый дух смоляных факелов смешивался с запахами сырого и жареного мяса, крепкого самогона, оружейного масла, вяленых дынь, тёртых орехов, самодельной косметики, чеснока и сушёной рыбы. Дым от жаровен и коптилен медленно вытягивался наружу через хитроумно устроенные продухи, куда не попадал дождь. Свою лепту в незабываемый аромат Харчевни вносили бочки квашеной капусты в комнатушке-магазине Белянки, десятки шкур (уже выделанных) в мастерской Норвежца Дука, микстуры и всевозможные снадобья Знахаря, а также и кукурузные лепёшки, – но их в Харчевне никто не умеет выпекать так здорово, как это делает Лика. Одна лишь контора Законника

Лео ничем не пахла, поскольку ему для составления договоров и купчих не требовалось ничего кроме бумаги, пишущей машинки, да нукуманских писчих причиндалов.

Не заходя в общий зал, мы сразу свернули в боковой коридор, идущий по периметру первого уровня. Справа и слева располагались комнаты, занятые мастерскими, лавками и складами торговцев. Постоянно работало не больше двух десятков заведений – все они принадлежали завсегдашним; ещё столько же открывалось периодически, когда в Харчевню на какое-то время возвращались их владельцы. Остальные комнаты или пустовали, или использовались лишь тогда, когда с одной из соседних Старых территорий приходил большой торговый караван. Факелы возле них, понятно, не горели, и всё же света было достаточно для того, чтобы не расшибить себе лоб впотьмах, поскольку Имхотеп за свой счёт ставил в любых посещаемых помещениях и коридорах восковые свечи.

Занимался он этим не сам, а с помощью Фонарщика. Тот как раз теперь брёл впереди, поглядывая по сторонам в поисках огарка, который пора заменить целой свечой. Когда мы его нагнали, он обернулся, и я подумал, что незнакомым с ним людям, если у них слабовато сердце, с Фонарщиком в полутёмных закоулках Харчевни лучше не встречаться. Ну чистый бормотун, только крайне истощённый, без крыльев, и нацепивший на себя кое-какую одежду.

– Привет, Элф, – слабо прокаркал он. – Привет, Бобел.

Привет, Тотига́й.

– Здорово, старина, – ответил Бобел за всех, намереваясь дружески хлопнуть доходягу по плечу, но вовремя спохватился и опустил руку.

Правильно – после такого приветствия Харчевня уже не смогла бы похвастать достопримечательностью вроде Фонарщика. Несмотря на свой кошмарный облик, вгонявший в озноб даже бывалого человека, тот мог бы развалиться на части не только от удара лапы Бобела, но и от сильного сквозняка. Считалось, что Фонарщик никогда не выходит наружу, чтоб не сдуло ветром; ещё поговаривали, что он и есть самый настоящий бормотун, которого Имхотеп научил говорить по-человечески, предварительно ампутировав крылья и хвост; умники думали, что он последний представитель одного из вымерших народов Додхара, а толстуха Беянка однажды во всеуслышание заявила, будто Фонарщик есть плод эксперимента яйцеголовых по скрещиванию африканского пигмея и додхарского саксаула. С последним утверждением я мог бы смело поспорить – полуживые растения Додхара передвигаются с куда большей резвостью, а пигмеи уж точно.

Народ в Харчевне задиристый, и не видит ничего плохого в том, чтобы вдоволь потешиться над кем-нибудь, кто послабее и не даст сдачи. Однако Фонарщика никто не трогал, а Бобел по непонятной причине испытывал к бедолаге самые тёплые чувства. Возможно, Фонарщик некогда и вправду побывал в лабораториях ибогалов, и Бобел угадывал в нём род-

ственную душу.

– Пришёл наконец караван Цуя? – спросил я. – Что слышно?

Цуй регулярно водил караван из Китая в Европу и обратно, появляясь на нашей Старой территории с предсказуемостью часового механизма. Его ждали ещё тогда, когда мы с Тотигаем отправились в поход, но я что-то не замечал ни самого каравана, ни следов его пребывания.

– Нет, Элф, – ответил Фонарщик. – И гонцов тоже не было.

Это показалось мне странным. Цуй высылал вперёд гонцов всякий раз, как вступал на какую-нибудь Старую территорию, лежавшую на его пути. На нашей он высылал их непременно, поскольку она была одной из самых населённых, и Цуй не упускал случая собрать побольше народу на пути своего каравана. Он поступал так неукоснительно, несмотря на то, что все давно запомнили его график. И если гонцов до сих пор не было...

В Харчевне уже перед нашей вылазкой в город собралось всякого люда втрое против обычного, и народ не спешил расходиться. Цуя с нетерпением ждали прежде всего потому, что он всегда привозил из Европы натовские боеприпасы, а у нас многие, особенно пришлые, пользуются тем или иным оружием бывшего Альянса. То же самое сейчас творилось в Субайхе, которая, как и Харчевня, располагалась недалеко от Большой тропы. Умники терпеть не могут караванщи-

ков, называя их бессовестными спекулянтами, но не забывают использовать большие скопища людей в просветительских целях. Ну, что я имею в виду – «большие»? У нас один житель приходится на два квадратных километра. По сравнению с другими территориями выходит, что у нас жуткая теснота и перенаселение. А если где-то собирается больше сотни человек сразу, то иначе как скопищем это и не назовёшь.

Тут меня осенило.

– Тотигай, – сказал я. – Пробегись по-быстрому везде. Проверь, кто к нам на сей раз припёрся из Субайхи, и нет ли среди них Генки Ждана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.